

МАРИЯ ЛАКМАН

**СТРАНСТВИЯ БЕЗ ГИДА,
или несерьезные отчеты о путешествиях**

© Мария Лакман: Странствия без гида
Книга выходит в авторской редакции
Верстка: Daniella DiMarco
Оформление обложки: Julia Zisman
Canada: 2012

ОТ АВТОРА

Нам повезло: мы с мужем Сережкой любим путешествовать в «одном стиле» — совершенно самостоятельно, без гида и группы, как говорили раньше, — дикарем. Убиваем несколько зайцев сразу: наслаждаемся свободой и необязательностью маршрутов, красивыми видами, историями, в которые попадаем, встречами с новыми людьми и семейным дуэтом одновременно. На любом континенте мы любим поговорить с прохожим, сходить в театр, музей, просто погулять по городу, зайти в местный гастроном и даже в аптеку, отведать какого-нибудь диковинного блюда...

После поездок организм трещит от переизбытка информации, счет снимков в фотоаппарате идет на сотни, воспоминания беспорядочно наскакивают одно на другое. Спасение может наступить, если выпустить пар, излить свои восторги ближним. Однако когда рассказываешь одно и то же второй, третий, а то и пятый раз, чувствуешь, как краски блекнут, живость пропадает, словесная скука наступает и побеждает, и ты сам уже не очень уверен, так ли это все было интересно и красочно.

Несколько лет назад я нашла выход. Вы спрашиваете, как мы отдохнули? Вот, пожалуйста, наш ответ — многостраничное сочинение о нашем очередном турне. Очень удобно — описываешь все единожды и нажимаешь кнопочку компа для рассылки, успевая поймать свежесть своего взгляда за хвост.

Постепенно мои «несерьезные отчеты» обрели жизнь: «А можно я пошлю это своей подруге — она собирается в Исландию?». Конечно! «Ой, а я дала почитать твой отчет о Японии своему мужу и он сразу туда захотел». Это прекрасно! Значит, несмотря на жуткую субъективность, отсутствие советов и адресов, наши описания могут пригодиться другим: кому-то подскажут идею при составлении маршрута, кому-то просто дадут возможность заочно побывать на других континентах, а кого-то позовут в дорогу... Не ожидайте глубокого анализа событий, подробной исторической хроники или географических изысканий. Это скорее «видеофильмы» в словесном исполнении — «короткометражные» и «полнометражные», в зависимости от того, сколько по времени удалось путешествовать...

Несколько пояснений, чтобы предупредить некоторые вопросы. Мы родились и жили в России, потом в Израиле, а сейчас —

в Канаде. Парочка молодежавых, честнее сказать, молодящихся старперов, обожающих смену стран, городов и городков.

В книжке иногда проскальзывает тема цветов, свадеб... Это потому, что у нас своя флористическая студия в Оттаве. А еще на страницах много музыки. Во-первых, мы ее просто любим. Во-вторых, я много лет пою в канадском хоре (Оттава, Canadian Showtime Chorus), с которым мы тоже передвигаемся по свету, «напевая»... Это особенные «музыкальные маршруты», включающие международные конкурсы хоров многотысячного женского певческого движения Sweet Adeline.

А теперь — в странствие.

С УЛЫБКОЙ ГЕЙШИ

ТОКИО — КИОТО — НАРА (ЯПОНИЯ)

Ровно год назад мы сидели на фазенде Володи Шварца, попивая чаек и поминая прежние поездки.

– Хочется чего-то экзотического, – сказал Шварц и лениво потянулся, было два часа ночи. – Может, в Австралию полетим?

– Не, – неосторожно подхватила я, – лучше в Японию.

– В Японию, точно в Японию! – понравилась идея Володиной жене Гале.

Мы довольно несерьезно, сонно и весело поговорили на эту тему и решили для начала узнать, сколько стоят туда билеты.

– Главное, – подчеркнул Шварц, – вы меня не трогайте в процессе, мне вашими Япониями заниматься некогда, – ну, а когда поедем, сообщите, я присоединюсь. Видимо, он забыл, с кем имеет дело.

Оказалось, что билеты в Японию в определенное время стоят дешевле нашего мерила, а мерилом является стоимость оных до Израиля. Но что же дальше? Мы не знали никого, кто бы ездил в столь отдаленное место дикарем... Я перелопатила Интернет, нашла русских в Японии, часть из них давно уже там

не проживала, остальные молчали и игнорировали мои письма. Но через какое-то время по Скайпу отозвался Никита – мальчик 30 лет, из Питера, который прожил в Японии четыре года, был доброжелательным и отзывчивым. Выяснилось, что он собирается уезжать в Канаду, и я в роли справочного бюро тоже была ему полезной. Мы взаимовыгодно вели японо-канадские переговоры, которые помогли выработать маршрут и окончательно решить – ехать в Японию можно и нужно.

Зимой мы кругами ходили вокруг Интернета, боясь нажать окончательную кнопку, но все же нажали ее, купив четыре билета на другой конец земного шара. Свершилось.

Японский зуд постепенно почти угас, жизнь вошла в свою колею, и только к весне мы снова возобновили свои приготовления. Начали искать жилье и прорабатывать детали маршрута. Выяснилось, что гостиницы в Японии дорогие и запредельные, причем очень даже в цене постояльство в народном стиле, на циночке. Мальчик Никита посоветовал искать «гостиницу-квартиру», и, прочесав любимый Интернет снова, мы обнаружили такую в городе Киото.

За неделю до вылета до Шварца дошло, что он летит на две недели в Японию, он вспомнил зарубежную географию, почитал текущие

новости и засомневался.

– Слушай, это так далеко, оказывается... может, поедем куда поближе?

– Боже мой, туда же лететь 18 часов над океаном.

– Вчера в Токио был толчок 9 баллов.

– Что-то я чувствую, не надо нам туда...

Вначале мы как-то притихли – все же страна далекая, загадочная, страннаязычная – как будем вдвоем? Шварца в Израиле принимали за араба, в Канаде – за китайца, мы надеялись, что в Японии он легко сойдет за солидного японца, а тут, понимаешь, остались одни – рожденные в России, с израильскими паспортами и канадским проживанием, одно слово, сомнительная парочка. Оправившись после шварцевского сообщения, успокоились: во-первых, мы вместе и в розницу – бывалые путешественники, во-вторых, вроде, не из пугливых...

– Серег, ты как?

– Я отлично! Едем!

Перед самым отлетом нас занимали несколько дел и мыслей. Нужно было сделать цветы на свадьбу и сдать их счастливой невесте. Кроме того, из цветочных дел появилось веселое – из Америки позвонила одна женщина и заказала цветы в Торонто, я хотела, было, ответить, что я не доставляю туда, из-

вините, пять часов езды, но оказалось, что ресторан, где случилось 60 лет со дня свадьбы, и шварцевский дом, куда мы ехали в этот день на ночевку, в двух шагах друг от друга. А еще я все время пыталась попасть к врачу, потому что так и не выяснила – так был инфаркт или не было? Ну и совсем пустячок – старшие дети сообщили, что они опять беременны и опять это вышло случайно...

Короче, рано утром, чтобы успеть с цветочками в Торонто, мы выехали на наше замечательно широкое шоссе и начали свой длинный, длиннющий путь в страну Японию вместе с нашим непроясненным диагнозом, новостью и прочими проблемами. Кстати, я говорила вам, что Серега – лучшая в мире доставка цветов? Он залетел в зал торонтского ресторана без двух два (просили к двум часам), вылетел прямо на сцену под оркестр и слова ведущего: «А вот подоспели цветы из штата Огайо от Лени и Светы. Что они нам пишут? Ля-ля-ля и нахес (счастье — идиш) от ваших внуков и правнуков». Корзина была нестыдная, ну очень большая – мы ведь уезжали на две недели, и я с легким сердцем сложила в нее все оставшиеся у меня цветы – все равно пропадут, лучше отдать для всеобщего нахеса.

Взяли курс на Сан-Франциско – первый

пункт этого долгого, но добровольного же(!) полета, летели пять часов а потом наш авиалайнер «мчал» нас 11 часов до Осаки (ударение, пожалуйста, на первый слог). Там у нас было заказано по Интернету маршрутное такси до города Киото.

Когда мы приземлились, заволновались, как будем искать эту таксомоторную контору, тем более, что подтверждения заказа они нам не прислали. Но волновались зря. Из толпы уже выделялся маленький японец в черном костюме, белоснежной рубашке с галстуком и большим плакатом на японском языке, мельче было нашкрябано на английском – Sergey Plotnikov.

– Мистер Пилоут... Дальше он произнести не мог.

Японец поклонился и в полусогнутом состоянии времен НЭПа безоговорочно схватил оба наших чемодана. Мы гуськом побежали за ним. По-английски в этой конторе не разговаривал никто, поэтому нас пантомимно пригласили сесть в маршрутное такси, оказывая особые почести – на передние места. Такси быстро наполнилось японским народом. Таксист – тот, что нас встречал – очень торжественно надел на себя белые перчатки, специальную шоферную фуражку, и мы поехали. На каждое сидение были надеты белоснежные,

как рубашка водителя, кружевные, необъяснимо чистые чехлы-«подголовники» (кстати, такие-же чехлы обнаружались впоследствии во всех без исключения такси и маршрутках, на которых мы передвигались). По пути, который занял еще часа два, мы пару раз останавливались «размяться», и каждый раз водитель, выходя из машины, снимал свою фуражку и снова также торжественно надевал ее с началом движения. Нас предупредили – в доме-гостинице в вечернее время никого нет, поэтому: «Встаньте лицом к главному входу, который будет закрыт, слева вы увидите канаву под названием Камиягава, пройдете мимо нее и откроете дверь, наберете ваш код, найдете свою комнату, наберете другой код – дверь откроется. Немедленно прочтите красную книгу в верхнем ящике стола и все инструкции, прежде, чем что-то включать».

– А пописать после самолета без инструкции можно? – спросила я Сережку, но зайдя в туалет, поняла, что без нее мне не обойтись. Перед нами стоял унитаз с «программным управлением», как потом оказалось, очень простенький. Я, понятно, первая не села, и вначале проверила его на Серее, все же у него есть профессиональные навыки. Он, нажимая кнопки, говорил: «Хм...Хм-мммм... У-ух, тепленькая пошла». Не удержусь, рас-

скажу подробнее. Нажимаете кнопочку после проделанной работы – душик ополаскивает вашу лучшую часть. Вы хотите водичку потеплее? Пожалуйста. Похолоднее? Нет проблем. Он может ополоснуть вас с двух сторон и на этом его умения кончаются. Но забегая вперед скажу, что это так, ерунда, баловство одно, полоскание. А вот встречались клозеты и покруче.

Заходя в такой туалет, первым делом вы должны нажать кнопочку с приятным для вашего уха «шумом» – водопада, например, – это для того, чтобы не смущать сидящих через стенку издаваемыми вами звуками. После того, как вы включили «глушитель», нажимаете следующую кнопочку – подогрев сидения. Это непередаваемое ощущение, особенно в сырую прохладную погоду, температура опять же регулируется по вашему капризу. Далее – музыка, далее – три положения опрыскивателя, далее – подсушка... Оторваться от этой игры сложно, однажды я проделала все три раза последовательно – масса впечатлений. Следующий этап – смыв. О, это не для слабонервных. Перед вами надписи на японском языке, масса кнопочек или, того хуже, сенсоров и каждый раз новых – как же догадаться, зараза, что делать? Иногда нужно поставить растопыренную ладонь, и этого достаточ-

но, иногда он, этот белоснежный, сам знает, когда сливать... Однажды я понажимала все кнопки, но ничего не изменилось, оставалась последняя – я ее. И вдруг увидела едва заметную надпись на английском – «эмерженси». Вылетела из туалета и кричу: «Серег, сейчас придут, бежим! – Кто, кто придет?! Что случилось?!»

Но я отвлеклась. Квартирка наша была малюсенькой комнаткой, в которой стояло две кровати, рядом, прямо под носом – кухонька, длиной около метра, состоящая из раковины, одной электрической комфорки и малютки-холодильника внизу, в шкафчике: кастрюлька, сковородка, тостер, пиалы, чайник – все чистенькое, новенькое и игрушечное. Такой же телевизор. И довольно большой балкон с видом на канаву, которая оказалась обмелевшей рекой.

Утром мы познакомились с управляющим этой гостиницы, он прилично говорил по-английски, и мы смогли задать ему пару вопросов про транспорт, едальни и т.д. Он, как и таксист, кланялся в конце разговора, правда, менее подобострастно. Мы вышли в город по составленному ранее маршруту. Сразу же бросилось в глаза обилие велосипедистов. Люди ездили прямо по тротуарам – в школьных формах, деловых костюмах, платьях...

Погода была отличная, даже более жаркая, чем хотелось бы, но зато сухая (частые дожди – это нормальное японское явление). Киото в этой части города напоминал старый Тель-Авив – очень похожие белостенные дома, лавки, даже букетки на вывесках местами очень закручивались под иврит, разве что растительность другая, а так один к одному. Через несколько минут мы увидели парки с храмами. Кстати, в Киото проживает 1.5 миллиона жителей, маленький для Японии городок. При этом в нем 1600 буддийских храмов и 300 синтоитских. Интересно не только в тех храмах, где много туристов, но и в скромных, непарадных, каждодневных (за это любим дикий туризм!). Бежит мужик в своем черном костюме на работу с портфелем, бегом – в храм, на минутку, дернул за веревочку, раздался звон, ну вроде, чтоб тебя услышали, похлопал в ладоши, поклонился, опустил голову, чего-то просит, может, повышения зарплаты, три минуты постоял, дальше побежал. Девчонка с покупками в двух руках, покупки оставила в сторонке, проделала то же самое. Бабушка с внучкой подошла, поучила малышку, как надо дергать колокольчик... На нас никто не обращает никакого внимания, ни косых взглядов, ни добрых – ходи себе, дергай за веревочку и проси, чего хочешь. Во многих местах деревья

на территории храмов усыпаны записочками – подобие Стены Плача, по-видимому, издалека кажется, будто снег на них лежит. Не буду описывать все увиденные нами храмы – их было очень много в разных частях города. Вокруг каждого – парк. Иногда это очень красиво, иногда безумно красиво, иногда – слишком красиво! Храмы, расположенные на холмах, высокие пагоды, тенистые аллеи...

В Киото есть и очень современные здания, мосты, башни. Центральная железнодорожная станция – комплекс необычайных размеров, очень дорогие магазины занимают 11 этажей вверх и 4 вниз, под землю... Это у нас в Канаде, где пустой земли хоть отбавляй, можно строить «вширь», в Японии же все простирается, как вы знаете, вверх и вниз.

На один день мы съездили в Нару. Был снова жаркий день. Сели на комфортабельный поезд и за час доехали до этого неземного места, где по парку, а точнее по городу, бродят олени с умными глазками. Их прикармливают продающимся тут же кормом, а они просят еще и еще, заглядывают тебе в глаза, дергают за рукав, лежат на солнышке, любят фотографироваться. Оттащить меня от них было невозможно, я без конца их щелкала и пыталась сама залезть в объектив в разных видах с рогами, так они мне пришлись по вкусу.

– Маруся, – просил Серега, – ты чего, оленья не видела, пойдем еще что-нибудь посмотрим.

В Наре действительно есть что посмотреть, кроме оленей. Храм Тодайдзи помимо того, что очень красив, – самое огромное деревянное строение в мире, а в нем – самый большой Будда. Как это было все построено в черти каком году, одному Будде и известно. В нынешнем виде он с 1642 года после двух пожаров... Две пагоды, которые были расположены по бокам, высотой 150 метров, сгорели...

Следующий день, довольно дождливый, мы посвятили поездке в Осаку, специально поехали в океанариум, который превзошел все ожидания, даже после эйлатского. Отличие его не только в размерах. В нем, кроме местных рыб, представлены морские ребята со всего мира, а главное – и животные, и птицы, живущие у воды... Вдруг вы выходите к стае пингвинов на льдине, причем идет довольно сильный снег, они радуются. В стороне пингвиниха сидит на яйце, а муж-пингвин обхаживает ее. Это надо видеть! Подкладывает под нее камушки, заботливо так подтыкает, потом бежит в стаю более больших и красивых пингвинов, о чем-то советуется, снова прибегает. В океанариуме мы провели целый день и не пожалели об этом.

Снова вернемся в Киото, я не могу пропустить этот кульминационный момент японского путешествия. Сейчас вас ожидает самое интересное, лучший номер нашей программы! Еще никогда вы не присутствовали при чудесном превращении еврейцы в японцу, я бы сказала, негойши в гейшу. О, это незабываемые минуты.

Вначале нужно было переодеться в халатик, сесть на высокий стул перед огромным зеркалом среди японок и одной темнокожей женщины и ждать чудесного превращения. Несколько девочек бегали с красками, разукрашивая нас одновременно. Толстой прохладной кисточкой на лицо и декольте нанесли слой белой штукатурки (кстати, темненькая стала землисто-серого цвета), потом занялись глазами, бровями, губами... Все, как положено... После этого завели в костюмерную и на чистом японском языке попросили выбрать парик и кимоно из сотни висящих на плечиках... Кто бы мог подумать, что надевание кимоно – такой длительный и тяжелый процесс. Вначале вам на грудь укладывают плотные куски спрессованной ткани, потом надевают кимоно и перетягивают шнуром, снова перетягивают – дыхание затрудняется, затем привязывают рельефно выступающие части спереди и сзади, потом кусок красивой

ткани повязывают высоко на груди – дыхание перехватывает совсем. Можно только пытаться с трудом что-то выдохнуть, вдохнуть уже невозможно. В таком, мягко говоря, спертом состоянии вас ведут в фотостудию. Но тут уже появляется второе дыхание, возможно, и от того, что денежки-то плачены, и нельзя подвести саму себя. Улыбочка гейши. С зонтиком, с веером... Я чувствую: я уже почти японка... Серега не захотел быть самураем из идейных соображений и экономических тоже (я же выбрала такой подарок себе на день рождения), поэтому он сидел и ждал меня два с половиной часа. Зато потом его наградили – гейшу с еврейским носом выдали для прогулки по улице в деревянных башмаках с водруженным на голову фантастическим париком и разрешили десять минут фотографировать. Ну уж мы постарались. С японскими девчонками — и так, и сяк, и одна — с зонтиком и без, сбоку, сзади...

Из Киото в Токио можно добираться разными путями. Самый интересный и короткий – Синкансэн. Это японский поезд-стрела, скорость которого километров 300 в час. Тоже масса впечатлений. Это изобретение не издает никаких звуков, не пыхтит и не чухает, трогается с места очень плавно и скользит так быстро, что мне, например, в окно смотреть

не очень хотелось. Читать в нем легко. У меня немножко закладывало уши, у Сереги никаких изменений не наблюдалось. Отправляются они секунда в секунду, каждые 5-10 минут.

С него мы сразу же пересели в метро, немного поплутали и поехали в нашу гостиницу. Кстати, если вы стоите с картой в растерянном состоянии, к вам обязательно подходит кто-то и пытается помочь, чаще всего этот кто-то не говорит на английском, но очень старается что-то промычать, показать рукой направление и даже проводить...

Гостиница, снятая по Интернету, оказалась в центре одного из старых районов города – Асакуса (ударение, пожалуйста, на второй слог). Она предлагала нам узенькую комнату еще меньшего размера, чем в Киото, без кухни (это была гостиница в чистом виде), зато с халатами-кимоно для продолжения игры в Японию.

Я забыла сказать вам, что Сережка взял с собой лэптоп, и у нас была связь с миром, а ближе к ночи он решал задачки для своей фирмы. Зрелище марсианское – Серега сидит в Токио в одном дне, его канадские и американские ребята – в другом дне, он из своего завтра выдает им свежие программистские решения в их «вчерашний день» и при этом завернут в кимоно... А я готовлю зеленый чай

и гостиничный ужин на стуле.

Кстати, о еде. Не наша еда, не наша. Но нам понравилась, и даже очень! Все чрезмерно сомнительное мы не пробовали, а когда оно попадалось в том, что взяли, – обнюхивали, обсматривали, пробовали на зуб, а уж потом глотали. Мне лично откровенная гадость (на мой вкус) попала один раз. Это была домашняя лапша, которая плавала в красивом горячем бульоне, все бы хорошо, но бульон отдавал рыбьим жиром, а может, тиной, кроме того, в нем плавал кусок поджаренного тофу, очень сладкого на вкус. Я пробовала заткнуть нос, дело пошло полегче, но мой добрый муж поменялся со мной и сказал, что это блюдо доставило ему истинное удовольствие. Проблемы питания были облегчены тем, что возле любой японской едальни в витринах выставлены муляжи блюд, по крайней мере вы видите, как оно будет выглядеть, если не знаете, что это... Часто все же есть надписи по-английски – скажем, осьминог жареный...

Попробовали лапшу из гречневой муки, мясо в соусе карри, японские грибы, похожие на наши опята. Потрясающе вкусны кондитерские, совершенно европейские изделия – пирожные, булочки (правда, они пытаются их испортить начинкой из фасоли). Много такого, что на вкус напоминает сырое тесто – это

уже в народном стиле... Еда в кафе недорогая по нашим канадским меркам. В магазинах – дороже, чем у нас. Особенно фрукты и овощи. Они продаются по одному. Судя по корзиночкам в супермаркетах, едят японцы мало. Может быть, как результат этого – совсем не видно полных людей.

Кстати, женщины в основном маленькие и худенькие, больше подходит слово «хрупкие». Они носят летящие юбочки – шифоновые, плиссе, короткие, длинные, ажурные колготки всех цветов и вообще одеты, как в лучшие советские времена в столице. Все на каблучках, в любом возрасте. Если жарко, колготки сменяются подследниками с кружавчиками. Такого я не видела много лет, особенно после своей Северной Америки в шлепках на босу ногу. Я оглядывала в метро ноги и понимала, что только мои – в кроссовках, ну ничего, зато не колесиком, как у некоторых...

Токио – гигант, немножко напомнил мне Москву по сутолоке, но благодаря транспортным артериям, пронизывающим город на земле, под землей, на воде и на небе... народец как-то рассосредотачивается и выглядит сдавленным только в часы пик, очень короткое время. Транспорта, видимо, больше, чем людей...

Наша жизнь в Токио сложилась по-иному,

чем в Киото – другой город. Меньше старины, больше необычных больших и красивых районов, которые тоже интересно посмотреть, парков в японском стиле. Много роскошных магазинов, перед которыми меркнет Америка. И дело не в фирмах, которых и здесь хватает. Впечатляет грандиозность построек, вкус, с которым это все сделано, в общем такая современная технологичная, при этом изящная роскошь. Были в районе Гинза, съем помещений на которой считается самым дорогим в мире, съездили в район Роппондзи, где построен комплекс из магазинов, музеев, ресторанов, садов (лифтов, эскалаторов, накрученных туалетов).

– А не сходить ли нам в театр?

И мы попытались. Музыкальный театр. Актеры – только женщины. Поехали за полчаса до представления. По дороге от метро до театра стояли люди со страждующими глазами. Они мне напомнили «нет ли лишнего билета» московские времена, но я не поверила своим глазам, зато когда мы дошли до кассы, все стало ясно. При зале в две тысячи мест, все билеты были проданы, причем на несколько дней вперед. Духовен японский народ.

Мы побывали в нескольких музеях – как-то не очень везло с искусством, думаю, просто ожидали чего-то большего, но вот музеи при-

роды, науки были вполне на уровне. Однажды работник одного из них вдруг взялся рассказывать нам лично про старинные японские часы. А в другом (это был выставочный зал) работники повскакивали, поклонились нам, попросили кисточкой написать свои имена (иероглифами?), завели нас в зал с никакими рисунками, усадили в кресла, принесли чаю с печеньем. Я Сереге шепчу – они нас с кем-то спутали. А те чего-то говорят по-своему. Мы выпили чаю, что делать, посмотрели еще раз на «живопись» и начали удаляться. Все снова встали и поклонились уважительно так, низко.

Потрясающей была выставка цветущего бонсай. От палатки устроителей мероприятия вдруг отделился один пожилой японец и протянул мне книжку, пролепетал свое японское с поклоном и повторил – «презент». Серега не поверил и говорит мне – может, он не то слово сказал, а тот – нет, презент, презент... В общем, он подарил мне шикарную книгу про бонсай, правда, нецветущий, хорошо изданную, сплошные иллюстрации, в коробочке. Чего вдруг? А кто знает – вашему народу от нашего...

Не могу обойти стороной поездку на остров Одайба. Мы читали про него в Интернете, но как-то не особо вдохновились, ничего такого

там не сообщалось. Просто в один из дней мы решили покататься на кораблике, на который садиться можно было в двух шагах от нашей гостиницы. Речное путешествие было комфортабельным, приятным: по берегам во всей красе «восстоял» город будущего – высотки космической архитектуры не давили, а радовали глаз современными фантазиями. Вот так мы и доплыли до острова.

Одно то, что он – искусственный, насыпной (говорят, из мусора), неприродный, приводит в восторг: это ж надо, как хитро – места им не хватает, так они его продлили таким образом. Опять-таки современнейшая архитектура, очень широкие просторы, шоссе, мосты, а для тесной Японии просто грандиозные. Опять же комплекс магазинов, музеев, ресторанов. Говорят, на постройку был израсходован триллион, остров вначале был убыточным, потом туда переехали крупные корпорации, и он стал местом работы и отдыха. Жилых домов не видно...

Скажем, эстетическое удовольствие доставляют магазинчики, разбросанные по улицам Венеции (почему Венеции? Так захотелось). Это настоящие музеи искусства рекламы, дизайна... Ой, девчонки, один-таки магазинчик оказался совсем не таким уж дорогим, я чуть дар речи не потеряла. Он был огромный, в ка-

ком-то очень моем вкусе и весь моего размерчика! Ну наконец-то я попала в дюймовочкинo царство! К счастью, Серега забыл в номере кредитную карточку. Поэтому пришлось мне обойтись парой тряпочек, остальные потом мне даже снились.

Возвращались мы не по воде, а на моно-рельсе, решив испробовать все виды транспорта. Уже смеркалось, зажглись неоновые огни, колесо обозрения – это так красиво! Дождь завершил фантастическую картину, раскрасив сумерки в синий цвет. Поезд забрался куда-то наверх, и уже казалось, что весь город под тобой, а ты где-то над ним летаешь над крышами домов по лабиринтам изогнутого сказочного моста. Внизу, где-то очень далеко шла пара в летних плащах. Она под зонтиком, кажется, с букетом цветов, он – с закрытым зонтом, наверно, чтобы быть к ней поближе... Может, это мы? И поезд – вовсе не поезд, а юрикамомэ... Это японское название ему как-то больше подходит. Но это еще не все. Мы приехали на нашу станцию, и Сережка пошел его фотографировать. Он вернулся слегка в растерянности.

— Слушай, а человека-то там нет

— Какого человека?

— Ну, водителя этого «момэ»...

Я предположила, что он уже выскочил.

Мы специально дождались следующего поезда, прошли его вдоль и поперек. Точно. Поезд таскал нас в поднебесье без человека, я даже расстроилась задним числом, что меня так надули, может, я бы и не согласилась сесть в него. Но на следующий день мы полезли в него снова, понимая, что японская электроника не подводит — ей что унитаза, что юрикамомэ.

НА ФРАНЦУЗСКОЙ СТОРОНЕ

КВЕБЕК-СИТИ (КАНАДА)

Не волнуйтесь: несколько лет назад и мы не знали, что столица Квебека — одной из провинций Канады, «французской стороны», носит такое же, ну почти такое же название — Квебек-Сити. Кстати, однажды в истории этот город побывал столицей всего государства...

Вот туда — «Во Фрянцию, во Фрянцию!!!» мы и отправились, закрыв на клюшку наш цветочный бизнес и обозвав это коротенькое путешествие «Сережкиным отпуском». Благо дело, по канадским меркам Квебек-Сити близок от нас — четыре с лишним часа на машине от Оттавы сквозь Монреаль, по очень прямой и легко разыскиваемой дороге.

Мы заранее сняли комнату в неприхотливой системе Bed&Breakfast (не скажешь же Кровать и Завтрак), которая часто выручает нас в путешествиях. Это была вилла Монкальм (Montcalm) в симпатичном аккуратеньком районе, хозяйка которой сдавала все ее комнаты туристам, а их в Квебеке хоть отбавляй. Пожалуй, вилла достойна описания. Это старинное здание начала прошлого столетия, обставленное в столь же несовременном стиле. Отдельного внимания требует,

вероятно, настолько же древняя канализационная система при совершенно новенькой и свеженькой сверкающей сантехнике. Стоило одному постояльцу открыть кран, как грохот и улюлюкание, переходящее в кананаду раздавалось на всех трех этажах, а уж слив воды в известном месте, украшенном впечатляющими бронзово-изогнутыми батареями, производил совсем изысканный шум. Поэтому в клозете было написано объявление на двух государственных языках — мол, дорогие жильцы-туристы, пожалуйста, не сливайте воду по ночам, чтобы не будить ваших уважаемых соседей. Но нам, выдавшим виды, это показалось очень милым нюансом, введившим нас в атмосферу старого города.

Утром первого дня мы спустились на завтрак. Звучал французский шансон. Мило. Нас усадили за длинный стол, покрытый красивой скатертью. Улыбчивая девочка (как оказалось, подрабатывающая студентка из Аргентины) предложила нам омлет, тосты или панкейки на выбор и упорхнула на кухню... За столом уже сидели две пары, лет на десять постарше нас и вели светскую беседу. Наше появление вызвало оживление — все начали знакомиться, мужчины галантно повскакивали. О, Россия! О, Израиль! Ну биографии у нас, я думаю, вполне на уровне такой международной ком-

пани за завтраком, особенно если добавить к этому салатику Серегину Чечню, в которой он родился. Поэтому все начали нас с интересом расспрашивать, поднимая брови... Но и остальные тоже не ударили в грязь лицом. Одна пара была из Штатов с достойной историей — чехи, которые уехали молодыми в Америку учиться в университете. Но вернуться не смогли, потому что в Прагу вошли советские танки, и их биографии начали тянуть на тюрьму. Ребята решили остаться, ну и остались до «бабушко-дедушкиного периода»... А вторая пара была интересна тем, что они девять лет прожили на Филиппинах, куда поехали помогать филиппинскому народу, рассказывали с умилением о нищете, но доброте оного. В общем, соседи смотрелись людьми приятными и интеллигентными. И омлет оказался нежно-непревзойденным. Уже вторую неделю бьюсь над его повторением дома — ничего не получается.

Пешком мы отправились по широкой, зеленой, респектабельной улице к старому городу. Театр — сейчас он на гастролях, а вот афиша сообщала о предстоящих гастролях Хворостовского... Гостиница Хилтон — ну да, наверно, роскошно, но разве там можно иметь, например, такой чудный во всех отношениях завтрак?! А вот и главное здание Квебекской

стороны — Парламент. Ничего не скажешь, торжественная классика! Напротив изящный фонтан-красавец.

Но скорее, скорее в старый город! Вы проходите через крепостные ворота и попадаете в умело замешанную смесь из «примет» прошлых веков в современном пространстве. На машинах здесь ездить разрешено, но очень неудобно, потому что основной и главенствующий транспорт в городе — лошади. Они цокают по мощенным улочкам под управлением кучера-«экскурсовода», объезжают весь старый центр, задавая свой лошадиный медленный темп всему движению, и выезжают за его пределы...

Узенькие улочки, тон которым задают музыканты,.. рестораны и, конечно, магазины, которые нельзя обойти стороной, потому что каждый из них — «художественный салон народных промыслов»: резка по дереву, индейское искусство и искусство квебекских эскимосов, ювелирные изделия из местного и неместного камня (около одного, видимо, не поспевшего за политическими событиями кулона была надпись: «Чароит. СССР»), вышивки, картины, кожа, форфор, шелковые платки.

Есть в каждом старом городе своя атмосфера, аура, если хотите... В Квебек-Сити ее поддерживают настолько, что иногда кажется, ты

смог заглянуть в прошлое... Вот стоит гончар в своем обычном одеянии и рассказывает вам, как легко можно изготовить плошку умеючи... А вот уличный художник в широкой белой рубашке рисует красками старинного рецепта... В ночное время город продолжает жить: на улицах идут театральные представления, клоуны балагурят, цирковые собачки крутят сальто, то и дело мелькают в толпе цилиндры, путники в черных таинственных плащах с фонарями в руках...

Днем было слишком жарко, за тридцать... Мы, конечно, в огне не горим, но очень хотелось прохлады. Однако мы не сдавались и перерыв делали только на обед. Здесь уместно вспомнить французский луковый суп, этот букет ароматного бульона с сухим вином и сыром (борьбу по его изготовлению дома я еще не начала, но боюсь, его ждет участь утреннего омлета), необыкновенные круассаны и пирожные – особая Сережкина слабость. Пару дней и частично еще несколько часов было целиком отдано старому городу. Есть свидетельство наших интенсивных бегов – фотография, на которой Серега стоит на полусогнутых ногах. Я просила его: «Встань красиво!», но красивей он уже не мог.

Квебек-Сити стоит на берегу мощной реки Святого Лаврентия. Наши соседи по вилле

посоветовали нам посетить остров Д'Орлинз (Island of Orleans), соединенный с сушей мостом, – мы поехали и не пожалели. Красивая природа, множество соборов, открытых для народа, опять же «творческих» лавочек и глубокой (для Канады) старины. У меня все время возникал вопрос, кто же это в 1600-каком-то году из цивильной Франции рванул на этот остров, как вообще узнал о его существовании?! Остров был тогда совершенно изолированным, до Квебек-Сити можно было плыть только лодкой, а пристань, сохранившуюся до сих пор, построили только через сто лет, после того, как люди затонули на переправе. Фамилии первых поселенцев помнят и чтут. Занимаются там сельским хозяйством, гонят вино, выращивают все, что растет...

В пяти минутах от острова – водопад Монморанси (Montmorency Fall). Высота его – 86 метров, но он не вышел шириной и потому не известен так, как Ниагара. Серега, конечно, полез к его изголовью и заснял его с высоты и сбоку, а также с той стороны, где он – обычная речка... А я отметилась внизу и мне вполне хватило впечатлений.

Однако на этом наше знакомство с водопадом не закончилось. Нам здорово повезло. В это время в Квебеке, на этом самом месте проходил международный конкурс фейер-

верков. В ту ночь выступала Аргентина. Я уже несколько лет таю от дисков Пьяцоллы. А здесь действо под его музыку. Представьте, душераздирающее танго – языки пламени по водопаду, в небо – очередь неземных салютов, разрывающих небо. Нет, это нужно видеть! Композиция называлась «Танго Огня». Народу было столько, что выезжали мы оттуда больше часа.

Нельзя не вспомнить базилику Святой Анны, недалеко от городка Бопре, в тридцати километрах от Квебек-сити. Ну, во-первых, рядом с ней оказалась циклорама Иерусалима, которая существует здесь с начала прошлого века. Любопытно, хотя подобное в жизни уже встречалось в лучшем исполнении — скажем, панорама Бородинской битвы в Москве...

Так я про Святую Анну. Собор необычный. Камень такой чистый, светло-серый, будто его построили вчера. Здание мощное, но легкое, не давящее, наверху стоит, видимо, эта самая Анна, которую мы приблизили с помощью нашего замечательного аппарата и разглядели в ее лице какую-то ухмылку, она, вроде, говорит – минуточку, товарищи, щас скажу...

Мы зашли внутрь и как будто кто-то скормандовал — начнем! Священники пошли с факелами к алтарю. Потом главный сказал пару слов, все встали — многие сотни людей

— и начали петь вместе с солисткой, обладающей хорошим оперным голосом. Потом вся эта священная толпа достала платочки и стала ими размахивать под музыку, зал присоединился... И это даже хорошо, что мы так и не узнали, ЧТО за служба там проходила, так романтичнее и загадочнее.

А еще мы посетили Квебекский музей изобразительного искусства. Начнем с обыденного – хороши в музейных кафе французские круассаны. Опять же температура воздуха, подходящая для картин, хороша и для нас, особенно после +30. Ну а более духовное везение – частная выставка собирателя картин с хорошим вкусом – Гоген, Моне, Ренуар и т.д. Кстати, «и т.д.» было тоже очень даже на уровне.

Совершенно случайно мы забрели в один из многочисленных парков Квебек-Сити. Жара подуспокоилась. Берег реки. Скамеечки. Пушки вокруг – от врага... Скульптура Жанны Д'Арк на коне. Растения и цветы неопишуемой красоты и аккуратности. Этот парк подарила городу одна пара из Америки. Просто вот так приехали погулять в тридцатых годах и были очарованы Квебеком, от добрейшей души решили дать денег городу на этот парк и топнули ножкой, где заложить, при этом просили не сообщать их фамилий никогда... Так и было.

Наверно, потому и растет все хорошо, что от души подарили.

ПОД КАНТРИ МЬЮЗИК

НАШВИЛЛ – ВАШИНГТОН – ФИЛАДЕЛЬФИЯ (США)

Было ли у вас сомнение, что природа Северной Америки прекрасна и величава в своей первозданности и нетронутости? Вот и у нас не было. Даже после того, как выскочивший олень боднул нашу машину пару лет назад и не извинился, – умилились: он просто хотел что-то сказать... Белки, сидящие на вашем окне, зайцы, как собаки, встречающие вас у дома, мирные гуси, кружащие над головой... Одно слово – идиллия.

Представление о ней поколебал один мерзавец, наверно, террорист или просто полный идиот. Он сидел себе на высоком дереве перед въездом в город Колумбус штата Охайо. Завидев нашу симпатичную синенькую машинку, весело несущуюся на полном скаку по скоростному шоссе, он стремительно начал снижаться. Я успела произнести: «Ого-го, какая большая птичка!». В этот момент этот стерв (от слова стервятник) еще больше растопырил свои огромные крылья, еще сильнее загнул свои клюв и когти и пошел тараном прямо на нас. Свернуть было некуда, машины неслись со всех сторон, я на месте Сереги, просто выронила бы из рук руль. Но он только

сказал «Ш-ш-шит» (интеллигентный перевод с английского – о черт...), я вскрикнула, это огромное с крыльями долбануло нас в лобовое стекло и исчезло, скорее всего погибло — вот, что значит непродуманность поступка.

Современное стекло японской машины, видимо, рассчитано на летающие объекты, оно не позволило засыпать нас осколками или того хуже, вступить в схватку со стервятником, оно просто треснуло, превратив всю Серегину сторону стекла в паутину, через которую не было видно ничего! Он героически довел машину вслепую, до первых домов города Колумбуса и остановился возле паба. Американский народ бросился нам помогать. Одни шелестели страницами телефонного справочника, другие куда-то звонили, третьи выбежали посмотреть на машину и сердобольно спрашивали, в порядке ли я?

Ну как вам сказать? Во вторник я пришла с хоровой репетиции с хромой ногой без диагноза, вот на ровном месте – не могу идти и все (ногу я вылечила компрессом Мертвого моря), через день начался невиданный насморк, похожий на аллергический – льется безостановочная струя (Мертвое море не помогло), в пятницу выскочил герпес, простите, почему-то на попе, в субботу была большая свадьба с работой, переходящей в ночь, в

воскресенье утром мы, похватав чемоданы (я – своими зелеными руками в клею и занозах), поспешили выехать – все же 16 часов пути до Нашвилла. В дороге присоединилась ломота в руке (компресса с собой не было, но было полоскание «из Мервого моря», которым я обмотала руку, прошла за ночь). Тогда герпес выскочил в более привычном и порядочном месте – на губе, дополняя картину... И тут еще эта птичка... Конечно, я в порядке – thank you so much, что спрашиваете.

И тут по сценарию пошла полоса везения. Сережка позвонил по вычисленному американцами телефону, через полчаса нам назначили встречу в мастерской, мастерская была в одной миле от этого паба и больше того, располагала стеклом для машины нашей марки. Они все сделали за два с половиной часа, а Серега тем временем позвонил в канадскую страховую компанию, которая уверила, что от нападения орлов мы застрахованы. Уф-ф-ф, полегчало.

По пути из Оттавы в Нашвилл мы сделали две остановки в маленьких мотельчиках, которыми просто утыкана американская дорога, впечатление, что их гораздо больше, чем возможных постояльцев. Это удобно, можно ничего не планировать заранее, а ехать себе и в любой момент остановиться в полной уверен-

ности, что места есть. Иногда двигались в темноте (рано темнеет) совершенно одни... Моя подруга Мила из украинской столицы заметила: «Маня рассекает по Америке, как по Киевской области...». Дорога красивая, осенняя, хотела добавить про живность в количестве и разнообразии, но не буду, поганец-орел испортил нежное восприятие животного мира.

В Нашвилл мы прибыли за пару часов до репетиции, и в назначенный час я уже стояла в боевой готовности в рамках военной дисциплины (еще бы, это ж международные соревнования!) с открытым ртом, залеченной духами губой и вполне действующей рукой. Многие были сопливыми, кашляющими и чихающими, одно слово — осень, поэтому по сравнению с ними, я чувствовала себя уже огурчиком и членом почти Олимпийской сборной.

Жили и репетировали мы всем хором в гостинице, вкусили прелесть двухкомнатного номера (салон и спальня) с двумя телевизорами, кучей подушек и полотенце для каждого участка тела. Внутри отеля все сделали так, чтобы ты чувствовал себя в уютном зеленом дворике, ну вроде ты на улице, а вокруг тебя окна домов... В этом чудном холле завтракали, общались, пели...

Репетировали мы до потери пульса, как

всегда. Было к чему стремиться. На последнем международном в Лас-Вегасе мы заняли 18-е место. По итогам следующего регионального могли рассчитывать на приближение к первой десятке (или, о боже, могли войти в нее). Но забегая вперед скажу, что ничего этого не случилось, а вышло непредсказуемо плохо, и мы вдруг откатились сильно назад. Вах, было обидно и досадно, столько труда, столько сил и нервов. Выступали мы последними, после семи вечера, целый день репетировали – видно, перевозбудились бабушки. Но что поделать — на то и соревнования... Ну и потом все относительно, поскольку справедливости ради надо сказать, что это были состязания лучших хоров с еще более лучшими, поэтому на вкус Сережи, нашего вечного зрителя и болельщика, выглядели мы прилично и пели хорошо.

Потом после расстройства я подумала трезвой, а если по-хоровому, то крамольной башкой, что теперь-то можно вздохнуть, отдохнуть, не репетировать и не краситься, а только наблюдать, как бьются первые, кто попал в десятку. Поэтому на следующий день мы с удовольствием побывали на шестичасовом концерте в вольготной и расслабленной роли зрителей. И это такое шоу, такое зрелище, и такой праздник, с которого не хочется уходить...

Кстати, расскажу вам еще об одном событии, к которому Серега относится ну совсем несерьезно, а мне оно кажется вполне любопытным. Мы внесены в числе других поющих женщин в книгу Гиннеса... Муж мой тоже вставил свой полноправный мужской голос, как болельщик нашего движения Sweet Adeline. Было это так. На огромных мониторах показали довольно сложную музыкальную фразу и слова. Весь многотысячный зал встал, под руководством дирижера мы отрепетировали свои партии и несколько раз пропели мелодию в четыре голоса. Получился самый большой по численности участвующих «урок пения в мире». Солидный дядечка в костюме, при галстуке и с папочкой под мышкой, командированный «книгой Гиннеса», торжественно подтвердил подлинность происходящего...

Немного о самом Нашвилле. Это столица штата Теннесси, американской глубинки, считается родиной кантри мьюзик, в двух часах от него родился Элвис Пресли со всеми вытекающими последствиями в виде его лика на чашках, брелках, тарелках, майках... С ковбойскими сапогами и шляпами, пивом и гитарами.

В городе несколько огромных музыкальных залов. Мы выступали в «спортивно-музыкальном комплексе» на 10 тысяч зрителей. Есть

небольшая улочка с маленькими ресторанами, где вечером пьют вино и слушают «живую» кантри, бродят по лавочкам, покупают сувениры... Вот и вся столичная жизнь.

В Нашвилле большой, хороший, интересный и современный музей истории кантри-стиля. Мы там сфотографировали много любопытного. Скажем, Серега выцепил электрогитару аж 1947-го года – подивились. Или вот инструмент, который нечто среднее между гитарой и пианино, с педалью и струнами. Фотографии идолов, большинство которых, к сожалению, мы не знаем, кинохроника 20-х годов, сверкающие костюмы звезд... Музыка сопровождает тебя на каждом шагу, причем как-то акустически все так здорово продумано, что рядом звучащая совершенно не мешает — ты ее просто не слышишь. Делаешь шаг и... окунаешься в новую мелодию.

В основном в городе очень пустынно. Людей не видно ни днем, ни вечером, с трудом представляешь, кто ходит в эти музыкальные залы. Встречаются какие-то сомнительные личности, правда, они тоже в стиле города – с гитарами.

Однажды подвезло. Мы решили сходить в парк, который упоминается в путеводителях, там, мол, самая большая карта штата Теннесси прямо на асфальте... Было довольно прохлад-

ненько, но солнечно. Попали на любопытное действие – весь парк стал на один день «историческим театром». Палила пушка, жарили индюка на костре, врач показывал старинные лекарства в склянках, дуэт 1700 года очень прилично пел, варили мыло, «индейцы» разгуливали в едва прикрывающей тело одежде, и почти «настоящий» Линкольн выступал с речью и даже раздавал автографы. Побродили по красивому осеннему базару. Получился очень неплохой незапланированный день.

На обратном пути решили посетить Мамонтову пещеру, которую Сережка случайно вычислил в Интернете в поисках хлебного магазина в Нашвилле. Оказалось, что это самая длинная пещера в мире, а точнее система соединяющихся пещер, масштабы которой трудно представить. Из Интернета: «В этом подземном царстве насчитывается свыше 225 обширных галерей, 47 высоких гротов, 23 вертикальных колодца, 3 подземных реки с 8 водопадами и 3 озера... Открыта она была в 1809 году и до сих пор не исследована вся».

Когда мы приехали туда (два часа от Нашвилла, штат Кентуки), то выяснилось, что во-первых, сезон посещений подходит к концу, во-вторых, это не хухры-мухры, у них есть несколько видов экскурсий, отличающихся маршрутами и их продолжительностью. Ко всему

этому нужно готовиться серьезно, включая курс обучения в спецодежде. Однако мы полезли туда, куда можно было, и не пожалели. Это была относительно небольшая пещера на территории этого же парка. В ней не проведено электричество, и поэтому мы шли с лампами и двумя провожатыми. Экскурсовод — мужик в армейской шляпке — был местным, рассказал, что он женился на пороге дома своей прабабушки, который она построила на этой земле в молодости. Он поведал несколько историй о людях, которые стали владельцами этих пещер по той простой причине, что их дома оказались расположенными над ними. Кстати, и вам надо бы узнать, что говорит законодательство страны, где вы проживаете, о собственности «в глубину». А вдруг под вами найдут пещеру?! Вы можете неожиданно и страшно разбогатеть, а потом продать пещеру государству, как сделала это мадам Люси. В общем теперь на территории расположился красивейший, думаю, особенно осенью, национальный парк, где можно остановиться на несколько дней в домике, полазить по многочисленным пещерам, походить по окрестностям. Серега считает, что стоит сюда вернуться, чувствуется, что он недолазал...

Поехали дальше — в район Great Smoky

Mountains (дословно Большие дымчатые горы) – «Заберемся мы, Маруся, на высокую гору». Я уже, было, вздрогнула, но план не осуществился в результате «нелетной погоды». День провели в городочке Гетлинбург (Gatlinburg), у подножия гор – красота... Скамеечки, живописные уголки, кафе, все уютное, маленькое, вечность бы не уходил... Неподалеку от него расположен Пиджен Фордж (Pigeon Forge). Я бы сказала, такой мини-Лас-Вегас, отличающийся тем от него, что здесь огромное количество недорогих мотелей, рядом с ними гольф-клубы, аттракционы, кухни народов мира... Замечательное место для детей.

День был довольно холодным и дождливым – побродили немного и отправились дальше, в Вашингтон (день в пути). Я была здесь в 2000 году и тогда не очень понимала, насколько это неамериканский в архитектурном плане город. Нет небоскребов, очень широкие улицы, архитектурные ансамбли со скульптурами, колоннами и лестницами, огромные пустые пространства-поля в центре, колоссальные парки с памятниками... Все это создает картину мощи, света, торжественности и совершенства линий.

На следующий день решили посетить музеи. Начали с «мальчикового» музея Космоса.

Серегин с удовольствием рассматривал ракеты, беспилотные самолеты и пр. Но и мне было любопытно. Ну, во-первых, в нем – много истории, например, в полный свой рост стоит первый самолет-подлинник братьев Райт. Или скажем, зал, посвященный первым женщинам-летчицам. Любопытно, что они (возможно, первым делом) подумали, в чем же они полетят. Были разработаны специальные женские летные костюмы – есть, на что посмотреть... Такие фигурки, такие талии, фуфынуты, они знали, что делали... Во-вторых, после перестройки, как гласит одна из вывесок, Россия продала Америке много космических экспонатов, ну, скажем, скафандр Гагарина, одно из писем Королева, тренировочный костюмчик Поповича и пр. Интересно.

В-третьих, там можно полазить, потрогать все, увидеть в полную величину...

В Космосе было неплохо, но хотелось на землю – в национальную галерею искусства. Много известных художников, много импрессионизма, что обычно попадает в точку по настроению. Само здание — бальзам для души. Было одно любопытное открытие. В музее работала временная выставка Юдит Лейстер (Judith Leyster). Никогда раньше я про нее не слышала, правда, пишут, что ее имя было забыто и не упоминалось.

Ну так вот, откуда бы взяться художнице-женщине, родившейся в 1609 году в Голландии? Почему ее картины такие жизнерадостные, что не столь часто случалось в эту эпоху? Ну Рембрант, конечно, вспоминается, ну натюрморты, какие-то дворики с бытовыми деталями, серьезные лица, библейские сюжеты... У этой Джудит много музыки в буквальном смысле – люди поют, приплясывают, играют на скрипочках, как будто они на вчерашнем фестивале, а не в сумрачной Голландии. Лица у них вполне современные и тянут с трудом ну на 19 век. А посмотреть на ее автопортрет, она просто вывалилась из времени – так мне показалось. Из всего этого я сделала вывод – наши люди с раскованными физиономиями и улыбками на челе жили всегда, а веселые тетки творческих профессий водились и в 17 веке, а почему нет?

Зашли на первый этаж музея истории США. Там по периметру расположены всякие вещицы. Ну например, первый пылесос. Вы видите совершенно современный пылесосик, читаете надпись – 1927 год и понимаете, что ваша советская бабушка даже во сне не могла такое представить. Там же плита, кресло дантиста, фотоаппарат и другая удивительная бытовуха... Разве все опишешь!

Кстати, система музеев в Вашингтоне – про-

сто мечта для туристов. Расположены они в основном на одной улице, ведущей к Капитолию, и на соседних с ней. Их много – каждый найдет что-то по вкусу. Они приятные и удобные внутри. А кроме того, вы можете с легкой душой зайти и выйти, если вам что-то не понравилось, потому что все музеи Вашингтона бесплатны, ну просто хочется расцеловать того, кто это придумал, а за одно и того, кто это содержит.

Что сказать, в Вашингтоне нужно сидеть несколько дней, чтобы посмотреть все, что хочется. Кстати, подошли к Белому дому. Я-то была внутри в ту свою прошлую поездку, а Сергею хотелось отметить – здесь был Вася. Но фотографировать было нечего, кроме забора с деревьями ничего не было видно.

Вечером многие улицы города в центре перекрываются, проехать на машине очень сложно, а выехать на шоссе просто невозможно, бедная GPS не соображала, что уже с нами делать, у нее просто поехала крыша, откуда ей знать, что «мосты разведены» уже в столь поздний час. Крутились долго, пока выехали в сторону Филадельфии (штат Пенсильвания).

До Филадельфии на машине два часа. Туда переехала из Калифорнии дочка моей подруги Юлечка. Она сказала, что еще совсем недавно обсуждала «профессоров-козлов» со

своими однокурсниками и вдруг неожиданно быстро для нее сама перешла в этот стан. Преподает в Пенсильванском университете, пишет научные работы по психологии, у нее муж, две дочки и две собаки.

Подъем был назначен на 6 утра. Старшая, которой три года, прибежала к нам на последний этаж, включила свет в комнате и сказала «хэллоу», один собак залез к нам под одеяло и в одно мгновение вылизал все, что мог... Потом мы отвезли старшую в сад, младшую – к бабушке-дедушке, пересели с машины на электричку и поехали в старинный университетский городок, от станции до него шли пешком полчаса с остановкой на завтрак, то есть провели утро молодого преподавателя университета в большом американском городе. Надо сказать, не такое уж легкое утро. Отправили Юлю поработать, а сами пошли пешком, чтобы посмотреть город и музей Родена. В Филадельфии много старинных красивых церквушек, улочек, типичный деловой центр, торчит много заводских труб – в общем университетско-промышленный центр.

Перед зданием музея Родена стоял осиротевший постамент с теплой домашней надписью: «Мыслитель взял летний отпуск и поехал в музей искусств. Вернется в ноябре». Музей небольшой, 120 работ Родена. Многие из них

мы видели в других местах. Но было так хорошо: в окне – золотая осень, в зале – Роден, в одной руке – зонтик, в другой – Сережина рука.

От Филадельфии до Оттавы «всего» 8 часов, с остановкой в очаровательной американской сети кантри-ресторанчиков Cracker Barrel (рекламная пауза) – это было просто пустяком, особенно по сравнению с пройденным путем в четыре тысячи километров.

В РИТМЕ ПЬЯЦОЛЛЫ

БУЭНОС-АЙРЕС (АРГЕНТИНА) — КОЛОНИЯ (УРУГВАЙ)

Когда билеты были уже давным-давно куплены, Интернет прочесан, а чемоданы собраны, лавина леденящей душу информации посыпалась на нас из разных мест: только держите крепко сумки, только не надевайте золото, только не ходите никуда в сторону от центральных улиц, только не гуляйте поздно, только держите фотоаппарат двумя руками, деньги – в трусы, кредитки – в лифчик...

Оно вам надо!?! – спросила не из любопытства, а из сострадания наша здешняя подруга Дина.

А я вспомнила Александра Дольского: «В Аргентину, в Аргентину, где ручные крокодилы, карнавалы, альгвазилы, из страны холодной милой не поеду ни за что...». Но рассуждать было уже поздно и поэтому из милой и уже по-ноябрьски холодной страны мы-таки полетели в Латинскую Америку, в Аргентину, в Буэнос-Айрес, в весну, просто в омут, где нас по рассказам очевидцев могли обчистить прямо в аэропорту.

Серегга, опытный турист неслабого десятка, обрушил все меры предосторожности почему-то на меня, я покорно приняла их и в ре-

зультате оказалась без любимых сережек, без обручального кольца, без часов, без денег, без документов и – о ужас! – без сумки, совершенно свободная от ответственности за что-либо и совершенно неимущая. Забегая вперед, скажу вам, что в этом есть два неудобства. Во-первых, я рефлекторно искала свою сумку несколько раз в день в течение двух недель отпуска, вздрагивая, что оставила ее то в ресторане, то в магазине, то на скамейке. Во-вторых, мы чуть не оказались в ситуации, когда я могла остаться одна посередь многомиллионного города, и если бы это случилось, то мало понятно, что бы я делала без денег, без телефона и без языка... Однако скажу я вам, в остальном в этой свободе от всего что-то есть – чувствуешь такую легкость, почти парение и в то же время полную принадлежность надежному Мужчине со всеми потрохами.

Мужчина оставил дома свой канадский селл, который у него давно заменяет часы, но поскольку за временем следить все же надо было, за день до полета мы купили дешевенький брелок с часами в виде божьей коровки: Серега доставал его из маленького карманчика джинсов, как золотые часы из жилета, и с понтом раздвигал крылышки этой коровке, поднимал брови, а потом также достойно их сдвигал (и брови, и крылышки), будто закры-

вал крышечку своих золотых.

Ну вот, стало быть, стоим мы в аэропорту в Оттаве с крылышками в боевой готовности лететь в Вашингтон, сверяем божьекоровкино время с аэропортным и чувствуем, что пора бы уже полететь, но объявляют о технических неполадках, однако ненадолго, всего минут на сорок – ну и ладно бы, но разница во времени со следующим самолетом была такой небольшой, что уже пахло экстримом... В Вашингтоне пришлось бежать с вещами, бегом, пролет за пролетом, не могу вам передать на какой скорости и колыхании сердца, пока наконец не сели в поезд, везущий до нашего терминала – схватили самолет практически за хвост и покатали (10 часов лету) в Буэнос-Айрес.

Нашу встречу организовала хозяйка студии, которую мы, как обычно, сняли по Интернету. Ну да, уже знакомый для вас по предыдущим нашим путешествиям сценарий – улыбающийся мужчина с плакатом, где едва помещается Серегина фамилия (кстати, он недавно выдвигал идею поменять ее на Плотник, а сын Марик предложил всей семье перейти на фамилию Плот, но пока этого обрезания не случилось). На английском встречающий привычно не разговаривал, а мы (ха-ха) не выучили испанский, вернее Сережка познал цифры

и пару фраз хорошего тона, но этого было маловато, чтобы поболтать с шофером.

Хозяйка Лилиан, о счастье, владеющая английским, стояла у порога и поджидала нас, обняла поочередно по-родственному, проводила в комнатку под крышей. Поскольку мы видели фотографии наших беззвездочных «аппартаментов», то не удивились микроскопическому размерчику – продолжаем японские традиции: чисто, уютно, душ, туалет, холодильник, микроволновка, телевизор – ну и чудненько... Для того, чтобы прибежать поспать вполне нормально. В студии три комнаты которые она сдает, туристский поток не иссякает, причем вполне солидных по возрасту людей, наверно, таких же «шнурков» из разных стран мира – слышится то английская речь, то немецкая, то испанская... Через пару дней женщина, которая убирала в комнате, осторожно спросила: «А вы по-русски говорите, да? Я вижу на тумбочке русская книжка лежит... Ой, как хорошо, а то мне поговорить не с кем».

Район наш Палермо Сохо был выбран правильно (хвала Интернету). Это спокойный зеленый район «среднего класса», где можно гулять далеко за полночь и чувствовать себя вполне защищенно. На завтрак, включенный в стоимость жилья, мы ходили в кафешку на-

против или в другую, французскую, в пяти минутах ходьбы. В нем же расположено очень много парков с цветущими деревьями, пальмами, птицами, включая разноцветных диких попугайчиков в свободном полете. Размеры парков гигантские, памятники в них величественные, даже помпезные, правда, они могут быть изрядно исчерканы, трава может быть желтой с подпалинами, а скамейки поломанными. Эти площади – раздолье для собак, о которых непременно нужно вам рассказать.

В отличие от канадских – интеллигентных, спокойных, контактных и дружелюбных (кроме нашей шпаны, конечно), аргентинские собаченции склочны и шумны. Стоит одной залаять, как включается весь собачий народ микрорайона, они не стесняются выяснять отношения и в два часа ночи. Есть в Аргентине такой сервис, работают в нем обычно студенты. По утрам они забирают собак у хозяев на общий поводок (официально разрешено до 8 жучек, но мы видели и в два раза больше) и ведут в парк. Там они их выгуливают, видимо, по несколько часов, потому что собаки в этих самых парках есть всегда. В своем коллективе они ведут себя прилично, а вот группа на группу изрядно тявкает, пока выгуливающие общаются между собой... А еще в парки приводят детей из садиков, одеты они странно

– в белые халатики. Я вначале думала, что это игра в юных врачей, но потом оказалось, большинство детей так одевается, включая школьников... Есть сады «закрытые», кстати, все, что огорожено забором, убирается и охраняется, – впечатляет красотой, ухоженностью и вкусом (побывали в Ботаническом, Японском и Парке Роз). По Парку Роз, скажем, бегают охранники, напоминающие по форме полицейских, и свистят в строгие «милицейские свистки», если ты только занес ногу над газоном или, не дай б-г, решил сфотографироваться на травке. Но если ты принимаешь правила их игры, вывески «По газонам не ходить» перестают раздражать – это можно легко пережить и потоптаться вдосталь в Канаде.

Улочки района Палермо Сохо да и многих других тенисты за счет огромных ветвистых деревьев, образующих арку высоко с небе, поэтому гулять здесь даже в жаркие дни очень приятно. Вечером интересно разглядывать витрины магазинов, потому что именно в этом районе расположены бутики известных аргентинских модельеров, художников, дизайнеров, ювелиров... В светлое время суток хозяин или хозяйка магазина сидит внутри при закрытых на замок дверях – откроют, если вы нажмете на звонок и они убедятся, что вы прилично выглядите. Бутики расположены

чаще в длинных помещениях с необозримо высокими потолками. Минимум содержания, максимум воздуха, пространства, игры света, красок. Очень стильно. Здесь же море ресторанов на любой вкус. Ужинают обычно в 9-10 вечера в любой день недели, сидят на улице и внутри по несколько часов.

Но давайте уйдем из полюбившегося нам района, ну например, выйдем на улицу Кордова, которая тянется многие километры и ведет к центру и вы представите, как выглядят многие улицы этого города-гиганта. Широкая улица с односторонним движением, каких в Буэнос-Айресе большинство, толпы народа, практически плечом к плечу, идут неизвестно куда, потому как час пик должен был давно закончиться. С двух сторон тянутся нескончаемые вереницы магазинов, в которые совершенно не хочется заходить, однако глаза на таких улицах девать больше некуда и через сто метров это мельтешение начинает утомлять, особенно, конечно, Серегу, ну представьте тель-авивскую Алленби (зрительно похоже) и умножьте на четыре или даже на шесть количество и плотность всего, что на ней есть. Да уж, это не шутка – население Буэнос-Айреса с пригородами составляет 12, по некоторым источникам 13 миллионов, плюс машины, плюс такси (их в городе 40 ты-

сяч, едут стройными рядами, как на параде, дешевый транспорт по нашим меркам), плюс выхлопные газы, плюс стаи собак на поводках. Если по ходу движения расположены газетный, книжный или цветочный киоски, коих предостаточно, они сужают тротуар, и может стоять очередь пройти... Говорят, что летом, когда все раскаляется, влажность повышается, выхлопы становятся злее – пережить это почти невозможно. Кстати, в сказочно дешевом автобусном транспорте нет кондиционеров, так что и там не найти облегчения истерзанной душе.

Однако у вас может создаться впечатление, что Буэнос-Айрес – это сплошная толчея и базар. Нет и нет! Конечно, это колоссальный город, просто улей, часто неухоженный и замусоренный, но в нем столько теплого и родного душе – в атмосфере, в неповторимых уголках, в архитектуре, в музеях, театрах...

Мы побывали во многих районах города, исходили их ножками вдоль и поперек, погода способствовала, в среднем плюс 25-27. Весеннее украшение, выданное нам по заказу, – цветение жакаранды. В Буэнос-Айресе – это как сакура в Японии, визитная карточка, даже студия, где мы остановились, называлась «Жакаранда». Ярко-фиолетовые цветы, ковры из лепестков вокруг – отдельные де-

ревья, в сочетании с другими и часто целые аллеи высоченного фиолета. Архитектура разношерстна и зависит, в каком вы районе – старом, новом, бедном, богатом... Встречаются изумительные здания, решетки, фонари, неслучайно Буэнос называют латиноамериканским Парижем. Есть целые улицы-красавицы, когда только и делаешь, что задираешь голову вверх, рассматривая чугунное кружево отделки... Или, скажем, Дворец Конгрессов – торжественное творение с куполом, напоминающим Исаакий, с фонтанами и скульптурами...

Один из лучших залов мира по акустике – старейший театр Колон. Билеты нам заказывала Лириан за пару месяцев до приезда, правда, в наши даты не случилось опер и балетов, но зато мы попали на концерт. Играл аргентинский симфонический. Большой полный оркестр. Первая вещь была очень странной, мягко говоря. Местного композитора. Такая какофония, не имеющая никакого развития темы, поскольку ее просто не было, зато с привлечением шумящих и стучащих инструментов, благо произведение было недлинным, отскрипело довольно быстренько, без никакой ожидаемой коды, музыканты как будто просто оборвали этот грохот и поклонились. Зато нас наградили следующим выступлением. Восходящая звезда – серб-

ский скрипач Неманья Радулович. На сцену выбежал 25-летний мальчик (кстати, лауреат многих престижных конкурсов, выступавший с известными дирижерами мира), с черной гривой кудрявых волос ниже плеч, в обтянутых черных брючках, чтобы не сказать тайцах, порывистый и юный. Радулович с Петром Ильичом (мы тут же почувствовали сопричастность и гордость за) мгновенно заткнули за пояс этого какофониста из первого отделения. Зал просто взорвался авациями и заставил его играть на бис. Казалось, что мальчик только что сбежал с концерта очень тяжелого рока. Однако я поймала себя на том, что НИЧЕГО мне не помешало, даже штаники, что исполнение его и весь этот облик осовременили классический четвертый концерт естественно, без всякой натуги... Видимо, встретились два таланта – вечный Чайковский и мальчик-виртуоз.

Театр заслуживает отдельных вздыханий. Вообще театральная жизнь в Буэносе началась еще в 18 веке – европейцы хотели жить своей обыкновенной жизнью. Открытие же Колона состоялось в 1857 году, и это была самая большая сцена в мире с залом на 2500 мест. У меня этот зал вызвал ностальгические воспоминания глубокого детства, когда родители, поклонники этого вида искусства,

довольно часто водили меня в наш свердловский оперный. Он, конечно, не был таким шикарным и большим, но запах настоящего театра, серьезные декорации, бархатные кресла, праздничная люстра, тяжелый занавес, красивые женщины (тогда еще брали с собой тувельки, а мама надевала бархатное черное платье), вкусный буфет – все это были слагаемые События. Теперь и в шикарный Колон приходят помятые туристы, да и местные жители – как попало, но торжественную атмосферу Храма Искусства трудно испортить. Она есть! Кстати, зал был полон. Мы так разволновались, что сходили еще в другой театр «Авенида» на оперу «Фальстаф». Они его зачем-то осовременили в декорациях, костюмах и постановке, однако все равно мы получили удовольствие, даже несмотря на то, что пели артисты, естественно, на итальянском, а бегущая строка над занавесом, опять же естественно, была испанской. «Очень прикольно», – сказал Серега.

В одном из старинных и больших театров, почему-то закрывшемся, кто-то придумал устроить книжный магазин. Никогда бы не могла представить, что это будет так красиво. Несколько этажей, в ложах покупатель сидят за столиками и читают книги, а на бывшей сцене расположено кафе. Можно просто сто-

ять и смотреть на расписной потолок, можно съездить на лифте на нижний этаж и вообще провести там часы...

Ну теперь самое время, помянув 18 век, поверхностно освежить исключительно парой строк историю Аргентины. Индейское население истребили испанской колонизацией в 16 веке. Форт Санта Мария дель Буен Айре был основан в 1535 году. Потом там не просыхали войны: с англичанами, бразильцами, чертом лысым... Только в 1816 году Аргентина стала независимой, но страсти там кипели всегда – и до и после (и сейчас!). Если покопаться в корнях, основной состав населения – итальянцы и испанцы, потом французы, англичане, немцы, евреи, украинцы, русские... Начало 20 века стало для Аргентины золотым временем, страна охотно продолжала принимать эмигрантов, и там спокойно могли оказаться наши с вами кочующие бабушки и дедушки, если бы они захотели... Это была богатейшая страна в мире. В 13-м году запустили первую линию метро (кстати, вагончики бегают по этой линии до сих пор, они без оконных стекол, а двери, понятно, без автоматики – если хочешь выйти, их нужно с силой раздвинуть)

Я еще неизбежно вернусь к некоторым историческим моментам, но пока – о музеях. Эмигранты из Европы, естественно, привезли

все свое с собой. Сейчас основу многих музеев Буэнос-Айреса составляют частные коллекции, отданные в дар, и можно «легко повстречаться» с Эль Греко, Модельяни, Ренуаром, Пикасо... В городе насчитывается 120 музеев, многие из которых очень небольшие и винегретные (ну что человек собрал, то и отдал). Расположены они в старых особняках. Сады со скульптурами, беседки, изящные скамейки – тоже произведения искусства. Не стану утомлять вас описанием всех наших музейных походов – посмотрели много. Расскажу только об одном. Очень любопытный музей декоративного искусства. Один из его залов – самая большая в мире коллекция эмалевых миниатюр на слоновой кости, подаренная баронессой Розарио Шиффнер-Зубовой. Портрет этой красавицы (кстати, кисти Зинаиды Серебряковой, которая достойна того, чтобы посмотреть в Интернете все ее работы) украшает этот зал. Дочь Розарио – Татьяна Зубова, погибшая очень рано в катастрофе – тоже необыкновенная красавица. Вот в честь ее памяти баронесса и подарила коллекцию и многие другие вещи музею. Ее муж, Сергей Зубов – из старинного русского рода, обитавшего возле царей. Я читала, что эту коллекцию начал собирать еще фаворит Екатерины Платон Зубов. Семья эмигрировала в Аргентину до револю-

ции вместе с этими ценностями. Говорят, в Буэнос-Айресе живут потомки Кутузовых, Горчаковых, Волконских и других знатных фамилий – вот, наверно, где кладезь семейных историй и драм... Как вам такое сочетание – Мерседес Долгорукова? А вот еще интересно: нам попались большие магазины с вывесками – Романовф, Маркова...

Заденем и другую родную сердцу тему. Только в Буэнос-Айресе проживает 180 тысяч евреев. Еврейская община в Аргентине самая большая в Латинской Америке. Поэтому и в этой области жизни тоже встречаются дивные сочетания: ну например, известный аргентинский поэт, лауреат премии Сервантеса Хуан Гельман... Евреи прибывали сюда в несколько «заходов», самый большой – из России и Восточной Европы в конце 19-го – начале прошлого века. Любопытно: их всех называли русос, а восточных – туркос, то есть и там, и тогда нас называли русскими, как везде... В 1889 году около тысячи евреев под руководством барона де Гирша из России приехали в Аргентину, купили землю и основали поселение Мойсвиль. Их потомки – «еврейские гаучо» (гаучо – это аргентинский ковбой).

Есть еврейский район, а может, и не один, где живут ортодоксы. Мы отправились туда в поисках красивой белокаменной синагоги,

как обещал Интернет (вообще судя по информации, их около 50 в Буэнос-Айресе). Это был район, сотканный из множества лавочек, похожий на ашдодский шук бет. Кое-где были надписи на иврите. Прочесав этот район и не найдя синагоги, мы остановили пару с кучей ребятишек. По-английски они, похоже, что-то понимали, но на вопрос не отвечали, а отец семейства с пейсиками сказал, что вообще не знает, где находятся синагоги, не обращая никакого внимания на мою улыбку: ну-ну... Это действительно было весело. Тогда Серега пустил в ход боевую артиллерию и включил иврит. Те разулыбались и начали объяснять, куда идти. Думаю, что это были меры предосторожности. Не так уж много лет прошло с тех пор, как в Аргентине взорвали еврейский общинный центр и еврейское посольство. По пути зашли в кошерный ресторан. На открытой кухне копошились работники, похожие на индейцев, зато управлял им бородатый очень колоритный мужик в кипе. Официанты попросили нас кушать недолго, потому что была пятница и они закрывали заведение на шабат. Это был первый ресторан, где в меню мы увидели суп, да еще куриный. Я прямо обрадовалась: «Серега, суп дают!». Аргентинцы по рассказам Лириан суп не едят, его просто нет в меню. Только некоторые классические

рестораны готовят его в зимнее время.

А что же едят аргентинцы? Правильный вопрос. Потому что на него есть красивый ответ – очень вкусную еду. Поскольку в Аргентине много итальянцев, то существенную долю ресторанов составляют итальянские. Все, что ели, – «тайл во рту». Разновидности – пицца в сковородке, тогда у нее есть хрустящее промасленное дно, кальзоне – пицца с верхом из теста, по сути пирог... Аргентинскими в чистом виде считают, например, Асадо и Эмпанадос. Асадо – это разные части мяса, потрошков коровы, приготовленных на гриле и подающихся на противне. Эмпанадос – большие пирожки с крупной мясной изначально и самой разной в наше время начинкой. Нечто среднее между чебуреком и пирожком. Что пьют? Естественно, свои вина. То, что пробовали – букетно и по нашим меркам дешево. Никак нельзя не рассказать о чае Мате. Это травный чай – наследие, полученное от индейцев. Выращивают его разных сортов, продают в чистом виде и с разными вкусами – мандариновый, яблочный... Говорят, сильно полезен. Нам понравился! Пьют его через трубочку (бамбиллу), которая не пропускает траву, из стаканчика (калабаса), сделанного из тыквы. Для туристов создана целая индустрия по их производству – каких только нет: с инкрустацией, покрытых

серебром, керамикой, пластиком...

Не могу не пропеть оду кондитерским Буэнос-Айреса, особенно если начать сравнивать их с местными североамериканскими кондитерскими потугами. Это, пожалуй, культовые заведения. Часть из них пользуется небывалой славой и в них выстраиваются очереди из туристов. Их фотографируют, в них покупают сувениры на память... Многие из них очень старинные, иногда очень большие по размеру, но все равно очень уютные, в них сохранены интерьер и, возможно, рецепты. Они пахнут кофе, шоколадом и выпечкой, точнее они «пропахли» ими за две сотни лет и, кажется, впитали в стены сладкие радостные запахи. Каждое кафе с гордостью сообщает, какие знаменитости сидели за их столиками... Современные кафешки тоже очень симпатичные, чистенькие, европейские. Готовить в Аргентине умеют классно и поесть тоже – медленно, не торопясь, часами, из хорошей посуды, как в далекие добрые времена. Нет, фаст фуд с пластиковыми стаканчиками, конечно, есть, но просто в ничтожно малом количестве.

Ну а теперь Танго!

Когда нужно было выбрать одно Танго-шоу (билеты весьма дороги) из десятка существующих в Буэносе, я тут же предложила Сереге пойти в Театр Пьяцоллы. Уже много лет на-

зад Спиваков с Виртуозами что-то сыграл на концерте, кажется, Либертанго, и я заболела пьядцолловой музыкой, его рваными джазовыми ритмами, синкопами, бесконечными секундами в аккордах, электричеством, накалом, лавиной звуков, соло банданиона... в общем у каждого есть какая-то струнка в организме, так вот мою Пьяцолла дергает так, что я обмираю от его неземных сочинений, вроде как слышу их не только ушами... Зрители в театре сидят за столиками. Если ты купил билет с ужином, то нужно прийти за час, а если без, то к выступлению, и чтобы ты выглядел прилично, тебе принесут напиток. Исполняли они не только танго Пьяцоллы, но в основном – да. Это было чудесно. Несколько пар сменяли одна другую или танцевали вместе, живой оркестр сидел прямо на сцене, певцы пели не под фанеру...

Знатоки утверждают, что Пьяцолла – это не настоящее танго, более того, в свое время родная Аргентина не приняла его, заклеимила позором и ему пришлось уехать в Штаты. Вернулся он уже признанным в мире композитором, классиком и, как я понимаю, успел завоевать славу и на родине. Он такой серьезный седой симпатяга с банданионом в руках (для него писал, на нем играл сам и солировал – обожаю!), умер в 1992 году.

С Танго в Аргентине вообще особые отношения – популярность его волнообразна, история неоднозначна и не выяснена до конца. Говорят, что его вначале танцевали только мужчины, утверждают, что родилось оно в борделях. Есть даже еврейская версия происхождения танго, мол, оно родилось именно в тех местах, где работали еврейские проститутки, коих действительно было много в начале века (средство существования бедных молодых девушек из Польши и Украины, есть даже кладбище, где они похоронены, найти которое без знакомых не представляется возможным, говорят, оно ухоженное и посещаемое). Рассказывают, что популярным в Аргентине танго стало только после успеха в Европе. Как бы то ни было, сейчас оно переживает очередное счастливое время. Международный фестиваль танго, многочисленные шоу, танго на улицах в туристских районах, сувениры на тему танго, картины на тему танго, магазины со специальной одеждой и обувью для исполнения танго, школы танго, гостиницы, предлагающие постой с уроками одновременно, кафе и рестораны с выступающей парой, милонги – это вечера, где все, кто хочет, танцует танго...

Дважды мы застали танго на улице. В отличие от сцены, в нем нет балета и спорта, ножки

задираются не так высоко, костюмы не такие шикарные, а музыка посрипывает из старого магнитофона... Однажды мы видели уличную пару: он – напомаженный, как положено, слащавый мужик лет пятидесяти и воробышек лет восемнадцати в поношенных туфельках со сбитыми каблуками. Танцевали они классно, с обнаженной страстью и облизыванием губ. И хотя я понимала, что вот оно, то самое настоящее танго, мне было жалко ребенка, даже если это был наполовину спектакль, я уже сочинила в голове детективную историю, как она не может от него избавиться... Серега, может, ей нужно помочь?

Есть в Буэносе уникальное место – кладбище Риколета, которое появилось здесь в начале 18 века. Это тот случай, когда с кладбища не хочется уходить... На самом деле это целый город, с улицами, памятниками, склепами, ничего подобного мы нигде не видели. Не очень представляю, как это описать, чтобы можно было представить... Вначале просто захватывает дух от обилия такой красоты и мощи, будто мавзолеи разных эпох свезли в одно место. Есть склепы старинные, заброшенные, заросшие травой, есть старые, но видно, что кто-то приходит и следит за порядком, есть сделанные в форме небольшого дома с входной дверью...

Только около одного захоронения лежит много цветов, завявших и свежих. Здесь похоронена Эвита, Эва Перон. По сравнению с другими склепами, этот чрезвычайно скромн, на нем написано – «Семья Дуарте» (это ее девичья фамилия). История с Эвой на мой вкус просто потрясающе интересная, достойная толстой книги, или длинного сериала для долгих зимних вечеров, или триллера... Но никак не музыкального фильма с Мадонной в главной роли, который изладили американцы, просто жалко было материал. Я успела уже натрещать Сережке про нее, мы пошли в ее музей, в котором особенно и показать-то было нечего, кроме ее потрясающих дорогих нарядов и документальных хроник. Надеюсь, я вас не утомлю – очень хочется поделиться тем, о чем не знала раньше.

Девочка — внебрачная дочь мелкого землевладельца. У ее мамы было четверо детей, и когда землевладелец умер, они лишились какой-либо поддержки вообще (в музее фотографии отца и матери – очень солидных людей в красивой одежде). Жили в страшной бедности. Убежала из дома в 14 лет и промышляла древнейшим из занятий. Пыталась пробиться в театры и сниматься в кино и даже снялась в каких-то эпизодах, но успеха не имела (в музее демонстрируют отрывки из

фильмов, слышно плоховато и видно тоже). Незаконнорожденный ребенок по законам того времени ничего не мог добиться в жизни, единственным выходом из этого было удачное замужество. Она старалась, как могла, навязывалась всем, кому можно. Через кого-то попала на радио, где читала тексты и якобы там повстречалась с вдовцом Пероном, который был тогда полковником. Он служил в каком-то заштатном гарнизоне, потом в разведке, работал в министерстве, был значительно старше Эвы. Она стала его любовницей, по рассказам, внушающей ему, что таких, как он нет, что он должен стать президентом этой страны. Они поженились. В 1945 году он-таки становится президентом в результате военного заговора (в музее показывают кадры – они стоят на трибуне перед огромной толпой народа, она поворачивается к нему порывисто, обнимает, прячет лицо, и толпа издает одобрительный возглас) . Она произносит речь, как любит его и что с этим может сравниться только ее любовь к аргентинскому народу.

Итак, 26-летняя девочка и, видимо, все же великая актриса, становится первой леди страны. Вот дальше интересно. Вначале она уничтожила все материалы о своем прошлом, расправилась с людьми, которые могли о ней что-то знать, потом раздавала портфели

родственникам. Ее боготворят бедняки и ненавидят богатые. Для бедноты она – прекрасная Золушка. Бедная девочка обретает все – дворец, принца, деньги, власть, наряды. Но для нее народу не жалко, наоборот – вот чего может добиться человек! Она становится Святой. Поддерживая образ народного борца за счастливую жизнь, она раздает беднякам из бюджета страны квартиры, деньги, открывает сельские школы, принимает людей с бедами с семи утра, к ней выстраиваются очереди, борется за избирательные права женщин – избавительница, красавица...

За семь лет культ Эвиты не то, что не ослабился, а вырос до натурального психоза. Хронику похорон (она умерла в 33 года от рака) нельзя смотреть без содрогания, настолько это похоже на похороны Сталина. Около ее забальзамированного тела в хрустальном гробу пытались наложить на себя руки, мужчины и женщины рыдали. «Она сгорела в служении народу» – вот ведь психологический этюд.

Дальше следуют детективные истории с ее гробом, трупом, людьми, которые как-то были причастны к ней, пожалуй, и на ужастик потянет. Куда бы его не прятали, перевозили из страны в страну, на нем всегда появлялись цветы и венки, ну когда-то это сумасшествие должно было кончиться и ее притащили нако-

нец в их скромный семейный склеп на кладбище Риколета, с чего я и начала вам о ней рассказывать.

Кстати, после ее смерти профашистского (неслучайно в Аргентине прятались нацистские преступники) Перона быстро скинули, он удрал в Испанию, потом через много лет он вернулся к власти на короткое время, быстро умер, президентом стала его третья жена, которая хотела стать Эвитой, но у нее ничего не получилось. В ее бытность был развязан марксистский террор и там как-то хитро под предлогом его умирения к власти пришла военная хунта. Вот помню про Чили у нас было просто море информации, наверняка искаженной, но она была, песни пели «Эль пуэбло унидо», а вот про Аргентину – совершенно ничего не помню. Это было довольно страшное время, кровавый террор, когда хватали всех подряд, сгинуло много людей, потерялись дети, которые до сих пор ищут своих родителей, есть комитеты матерей, общества, пытающиеся восстановить историю. Считается, что погибло в этот период 30 тысяч. Это, конечно, не ГУЛАГ по численности пострадавших, но страница горькая и уж совсем недавняя (1976-1983). По крайней мере, мальчик двадцати с лишним лет, который вел экскурсию по городу, в основном только про это и говорил...

Бесплатные экскурсии по городу мы тоже встречаем впервые в нашей туристской жизни. В Буэносе есть молодежная группа, в зелененьких маечках, которая имеет в своем арсенале два вида экскурсий. Делают они это с удовольствием, на хорошем английском, чувствуют себя превосходно и легко, потом ненавязчиво просят поблагодарить их, кому сколько не жалко, видимо, так немножко подрабатывают. Но не халтурят, водят пешком часа два. Туристы-дикари, вроде нас, находят их через Интернет, и собирается приличная толпа из разных стран.

Съездили в маленький городок Тигре. Вначале передвигались на поезде, на котором ездят обычные аргентинские люди, скажем, на работу, ну что сказать – грязненько, старенько, рваненько. Ну а потом пересели на линию, предназначенную для туристов (и местных тоже), другая цена – другой вид. В Тигре ездят ради экскурсии на парходике по реке. Это идея американских Тысячи Островов. В отличие от последних, замков здесь не наблюдается, это не загородные дома богатей, а обычное в смысле функциональности жилье. Для того, чтобы съездить в город, людям надо сесть на лодку или вот такой парход. Вода грязно-коричневая, поскольку дно реки очень илистое.

А теперь веселая история про то, как решили мы съездить в Уругвай. Оказалось, что маленький исторический городок Колония расположен в часе от нас, если утречком сесть на парходик. Лилиан очень присоветовала: «Поезжайте, получите массу удовольствия (если б она знала, сколько), там так тихо, спокойно». Приехали мы на речной вокзал в Пуэрто Модеро, быстро прошли таможду, просто штампик, просто формальность и оказались на колоссальном судне, где в течение часа нашего пути работал большой ресторан и парфюмерный магазин Дьюти фри – вы не знаете зачем на час столько развлечений? Вскоре мы ступили на уругвайскую землю, обнаружили, что асадо (см. выше – мясное блюдо) у них хреновое и дороже, чем в «нашей Аргентине». Остались голодными, но решили поесть попозже, ближе к обратному пути. Городок оказался и вправду чудесным. Сохранившаяся колониальная застройка. Красивая церквушка, фонтанчики, мощенные улицы, остатки крепости. Радующие сердце лавочки: много сделано из овечьей кожи (в Аргентине все больше из коровьей), керамика, вязание, серебро, камни, картины... Ай, хорошо. По-американски все это называется крафт. Так вот этого крафта в Латинской Америке немеренно, уличных базаров, лавок – думаю, люди

пытаются заработать, есть, конечно, всякое – никакое и произведения искусства, глаз не оторвать. В общем погуляли с удовольствием и решили уже не кушать, а ползти к речному вокзалу. Прошли таможню. И Серега кричит: «А теперь спокойно перекусим в буфете». Блин, у них и бутерброды какие-то, как из опилок, и сыр без вкуса, и цены опять не наши, не аргентинские, ну что уже, час и дома, там и покушаем. Дяденька в радио что-то объявлял, но тут даже Серега ни одного слова не вычленил, то ли по-португальски сказали, хотя вряд ли... Табло у них никакого нет. Сидим, ждем своего часа, поглядываем на божьекоровкино время. Ну, к 11 ночи оно уже подбиралось, номальненько... Не буду я вас томить, признаюсь сразу, как на духу. В Юругвае этом не только еда другая, цены другие, у них, паршивцев, и время другое – на час раньше... Уплыл наш корабль давным-давно, вот когда дяденька кричал в радио, как перед войной, тогда и уплыл. Был и следующий, но он не от компании, где мы купили билет, потому нас не посадили. Выяснить это мы смогли с большим трудом. Английского они не понимают. Кроме того, никакого справочного или человека живого и официального у них не запланировано на этом этапе. Вот одного работника еле нашли, мальчик молодой, шпрыхал чуть-чуть, он

объяснил, что следующий пароход, – который паром вообще-то и потому пойдет не час, а три – будет только в 5 утра и что проблем нет (у него, конечно, нет): мы можем посидеть на их креслах железеньких. Обуяла меня страшная досада и тоска по трем причинам. Первая – Серега когда-то читал про разницу во времени в путеводителях, но забыл, вторая – когда мы пришли, наш кораблик еще стоял и мы спокойно могли на него сесть, и третья – мы же не поужинали! А в Аргентине сейчас ужин, мясо дают...

Я смотрела на железные кресла и чуть не плакала. Серегин перебрал все утешения, какие мог, и выложил последний козырь: «Тебе будет о чем написать». Я надела овечьи домашние чуни, которые мы прикупили в виде уругвайского народного творчества, стало чуть теплее и радостнее, хотя все буфеты были закрыты. Утром таможенник тупо посмотрел в наши паспорта и сказал: «Так вы ж уплыли вчера, судя по отметке, как же вы снова здесь?». Типа вас здесь уже нет. «Ну опять началось, – подумала я, – Сейчас мы навсегда останемся в Уругвае». Он пошел советоваться, живот стал урчать еще громче прежнего. Здравый смысл им все же подсказал, что если мы здесь, то значит мы не там, и обратное даже с помощью штампа доказать будет сложно.

А теперь вернемся к началу, не могу отказать себе в прелести кольцевой композиции, есть в ней некая законченность сюжета. Помните, как нас пугали аргентинскими карманниками и грабителями? Одна попытка ограбления все же состоялась. Зашли мы в метро. Сесть не удалось, народу много, хотя это и не был час пик. Стоим вместе. У Сережки поясная сумка, хитро закрепленная и рюкзачок, ну а я голая, как соколиха, по Серегину сценарию, стало быть. Народ добавляется и пришлось мне пройти вперед, а Серега вроде как застрял, я ему знаки подаю, мол, иди сюда, а он вроде не может двинуться. Тут я смотрю – рожи вокруг него нехорошие и неправильные, я делаю, шаг назад и тяну его, а эти не пропускают, они его неоправданно зажали, человека три, и стоят, как каменные, не двигаются. Тогда я дотягиваюсь до одного из них, хлопаю его по плечу так аккуратно, с улыбкой, вежливо и показываю рукой – пропусти, мол, моего мужа ко мне. Этот с рожей на меня не смотрит и че-то бубнит – не шевелится. Нехорошо. Наверно, хотели вытолкнуть Сережку на остановке и забрать, что надо, такое описывают. Но они не поняли, что это абсолютно невозможно, Серега же сразу сообразил, что я останусь просто без средств к возвращению. Тогда он сгруппировался, мобилизовав все

свои силы, и как Че Гевара, пошел тараном... разомкнул эту бандитскую группировку, однако рикошетом толкнул неповинных людей и те справедливо выругались по-испански. Но мы были спасены. Правда, в метро больше не ездили.

...И ВОЛЧИЙ ХВОСТ

КАЛГАРИ — ВАНКУВЕР — ВИКТОРИЯ (КАНАДА)

Довольно суетный маршрут родился из нескольких соображений-обстоятельств-идей. Первая глобальная – хочется узнать получше страну, где прожил уже семь лет (время летит так безобразно быстро). Вторая семейная – в Ванкувере поселился наш сын Мишка с девочкой Ван, и мы их не видели уже полтора года. Третья творческая – очень больна одной темой-судьбой канадского художника русского происхождения, а он жил и работал в тех местах...

Начали с Калгари. После посадки нырнули в машину. Причем нас поджидал неожиданный сюрприз – какое-то там членство Серegiной фирмы в данной автокомпании разрешало несмотря на то, что мы заказали недорогую машину, выбрать любую за те же деньги. Серегин вначале не мог поверить в такое предложение, ходил по гаражу и долго рассматривал сверкающие машины — «Что и эту можно?!», но стесняться не стал, взял серебряный почти джип, гордо возвысился над дорогой и рулил с большим удовольствием.

Мы подъехали к снятому, как обычно, «Bed&Breakfast». Позвонили – никого нет.

Волноваться не нужно — мы ведь в Канаде. Опытной рукой проверили почтовый ящик — ага, конвертик, письмо, ключик. «Приветствую, приду позже, вас встретит собака Миси, ваша комната на втором этаже. Глен». Кстати, чтобы уже завершить «ключную» тему. Ключа от комнаты не было, поскольку его не существовало вообще, ну то есть вы уходите, а все остается открытым, кроме входной двери, это вам не Аргентина с привязанным компом в кафе. Дом был потрясающим — уютным, мягким от пола до матрасов, со вкусом и любовью обставленным, очень светлым и сказочно чистым. Везде висели записочки-путеводители, чтобы не растеряться без хозяина. Вообще Калгари показался нам очень приветливым городом, казалось, нас везде ждали. Решили что-нибудь съесть неподалеку — после самолета проголодались. Зашли в греческую таверню в пяти минутах ходьбы: «Проходите-проходите, садитесь, — симпатичный грек в годах усадил нас за стол, — Вы, наверно, у Глена остановились? Очень хорошо. Откуда вы приехали?».

Глен — одно из самых ярких впечатлений в этом странствии. Веселый, остроумный, гостеприимный, он окружил нас родственной и в то же время ненадоедливой заботой, как будто мы оказались в гостях у своего любимого

дядюшки. Пятнадцать лет назад он достроил второй этаж специально для гостиницы, с отдельной кухней и салоном. Оказалось, что он родился в этом доме и живет по сей день, занимая часть первого этажа. В саду – собственные фруктовые деревья, ягоды. На столе – сваренные им джемы. Завтрак – спектакль одного актера. Вы садитесь за сервированный стол, где продумано все, вплоть до салфеточки – все в одном стиле, нет ничего столовско-дешевого. Тонкий английский фарфор под бой старинных часов – это круто. Глен на кухне, насвистывает радостную песенку, кухонно позвякивает. «Мария, если ты не съешь второй тост, останешься здесь и будешь чистить мое серебро», «Почему ты встаешь, сядь, я еще не все подал, сейчас будет яичница». Потом подсаживался со своим тостом, пожевывал и рисовал нам схемы маршрутов, аккуратно делая надписи – мы сейчас здесь... Видимо, преподавательская привычка – досконально, до мелочей все объяснить: он учитель на пенсии, это был первый учебный год, когда он не пошел в школу.

Калгари был у нас «базой», куда мы возвращались, и забегая вперед, дорисую портрет Глена. Самолет в Ванкувер был ни свет, ни заря, нам нужно было вставать в 5 утра. Вечером мы расплатились с ним, попроща-

лись, сказали – нет, никакого утреннего кофе, это слишком рано. Так он вскочил, чтобы нас проводить, обнял, вышел на улицу и долго помахивал нам рукой.

Калгари – очень американистый город. Деловой центр (даунтаун) – современный, красивый, отличительная особенность – застекленные переходы из здания в здание. Их настолько много, что кажется, что можно прийти на работу по переходам, не выходя на улицу, думаю, это очень удобно зимой, поскольку морозец здесь случается. Вокруг горы, в хорошую погоду видно все вершины – сказочно! Кстати, в первый день было плюс 35, это было сильно – сердце стучало, голова – помидор, нос высох до кровавых корок – стыдно открыться израильским друзьям.

Что еще необычного для глаза? Придумали использовать уличные ящики с электрическим хозяйством для хорошего дела: на каждом – картина местного художника с его короткой биографией. И красиво, и познавательно, наклеить на это объявление о продаже щенка ни у кого в голову не приходит.

Названий улиц в Калгари или нет – опять же американская номерная система (Пятая авеню и т.д), или они просто не в бровь, а в глаз – улица Вождя Красного Ворона, Улица детеныша Ворона, очень они воронов любят.

Съездили в «историческую» деревню. Подобная есть под Оттавой, ну и во многих других местах в мире... Сюда свезены старые дома с утварью, фабрички, магазины, паровозы, телеги... Это очень интересно. Скажем, видишь дом ирландца, который приехал в Канаду в 1800 каком-то году, зовут его так-то, жена его такая-то. Вот тут она пряла, а вот тут готовила... Стоит бабуля в чепчике варит что-то, рассказывает рецепт того времени. Прикольно. Зашли в пекарню, купили деревенских булочек, потом на почту, а там продают ручки с чернильницами, как у нас в первом классе были. Серега не сдержался, рассказал, что мы в России такими точно писали в начальной школе. Люди на нас уставились, наверно, принялись вычислять, сколько нам может быть лет...

Обследовали Калгари, надо было держать путь дальше. Тут я должна вас подготовить. Не хочется много рассказывать вам о художнике, скажем так, о котором собираю информацию, хочу написать о нем и боюсь расплескать. Скажу только, завещал он похоронить себя на индейском кладбище. И потому не долго думая, поехали мы с Серегой в Брокет – индейскую резервацию. Фенимор Купер отдыхает. Глен весело подмигнул, а потом прыснул: «Ну до свидания, если вернетесь».

Сама собой организовалась прелюдия к сей

поездке. Мы заехали в музей, расположенный в том же направлении, который, если попытаться перевести на русский, называется так – «Разбей башку, буйвол». Расположен музей на утесе, на который краснокожие братья загоняли буйволов, растерянные и испуганные баффало прыгали вниз и разбивались. Там их встречал второй отряд с палками и дубинами, который добивал недобитых. По легенде нельзя было оставить ни одного живого буйвола, поскольку он мог бы потом рассказать обо всем своим рогатым соплеменникам и они ни за что бы не дали больше загнать себя к обрыву — мудро, особенно в степных условиях, где ничего не росло и питаться больше было нечем

Собственно, к «степным индейцам» мы и пробирались. Работники музея, видимо, для антуража, были взаимовдающимися индейцами, и мы решили прозондировать почву: можно ли вообще вот так взять и приехать в этот самый Брокет, к кому обратиться... Индейцы оказались очень разговорчивыми, один даже сказал, что знает про этого художника, кроме того, они дали нам номер телефона, по которому можно было позвонить и все расспросить.

— Але? Это Брокет? Плохо слышно. Это Брокет? Если мы к вам приедем часа так через

полтора, мы можем сходить на ваше кладбище?

— ??? ... Мы даже можем вас туда проводить.

Дорога петляла, становилась совсем нелюдимой, и через какое-то время мы остались совсем одни, в голой степи, в страшной пыли от гравия, а точнее, в некиношных прериях и уже казалось, что сейчас из-за поворота выглянет индеец с луком и стрелами и некиношно потребует объяснений. Поплутали, GPS захлебнулась от чувств, однако прибыли. Поселочек был небольшой, состоял из маленьких очень простеньких домиков и одного большого, ну вроде сельсовета, на котором было крупно написано – «ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ».

Мы зашли внутрь, к нам вышел очень улыбочивый индеец в кепочке, к нему подошел еще один с двумя косичками, с юмором у них было все в порядке, они оглядывали нас с ног до головы, хихикали и спрашивали: «Так вы хотите на наше кладбище? – Да-да! – А откуда вы? – Из Оттавы».

– Едьте за мной, – скомандовал тот, в кепочке. Мы сели в машину и поехали за ним. На одном покосившемся доме было написано: Галерея. Крафт(поделки). На другом, столь же невзрачном – Колледж искусств. Приеха-

ли. На могилах лежали какие-то тряпки, веревки, ленточки, все вокруг было в бурьяне. Среди этого языческого бедлама стоял каменный православный крест – памятник нашему художнику. Потерпите немного. Скоро я о нем напишу, и вы поймете, что это не экстравагантность с его стороны.

Мы вернулись в «Общественные работы». Который с косичками без звука, взгляд исподнизу, чисто вождь краснокожих, сделал знак рукой, чтоб мы подошли. Да, есть одна женщина, которая помнит художника со времен своего детства. А можно с ней поговорить?

– Едьте за мной, – очень серьезно скомандовал теперь этот, с косичками, и тоже надел кепочку. Теперь мы поехали за ним. Индейская бабушка или бабушка-индейка, как вам больше нравится, стала что-то причитать по-своему, объяснять этому в кепочке, показывать на облупленные стены дома и... закрыла дверь прямо у нас перед носом. Наш провожатый перевел нам: «Ты видишь, какой у нее дом, а посмотри на ее машину – она даже не может на ней поехать в путешествие... В общем так. Надо дать ей несколько долларов и купить подарок. Это традиция нашего народа».

– Ой, дык мы с удовольствием, – сказала я, пряча удивление, от которого у меня просто

выпучились глаза, – дык, конечно, мы ж не знали традиций вашего народа, мы ж не подготовились... А сколько надо долларов? А что купить? А где?! – совсем растерялись мы.

– Табачку купи ей, ну еще чего...

Мы с Серегой снова сели в машину и как-то даже притихли от туземного поворота событий. Нашли магазин, который держал в поселке... китаец. Взяли кой-каких продуктов, а табачок найти не можем. Подходим к продавцу. Он говорит: «Табачные изделия продаются только местным жителям. А остальное я тоже вам продать не могу, потому что вы не освобождены от налога. – Ну хорошо, мы же всегда покупаем с налогом, пробейте с налогом. – С налогом не могу, потому что тут все от него освобождены...» На этом кульминационном месте появляется с косичками и в кепочке и говорит продавцу: «Проведи мою карточку и обслужи их». Тут я, полностью въехав в традиции индейского народа, не стесняясь и не подбирая слова, спрашиваю: «А Вам какого табаку купить?». Он назвал марку, тоже не мигая, все, как положено, в рамках традиции, главное же правильно ориентироваться. Бабушка, завидев нас с кульком, заулыбалась, открыла дверь в дом, взяла деньги, проверила содержимое кулька и осталась довольной. Она оказалась не слишком понятливой, не

слишком разговорчивой и слишком старой. Но зато мы теперь точно знаем, как правильно организовать интервью с индейцами в следующий раз.

Мы попросили того с косичками написать свое имя и фамилию к нам в блокнотик. Я заглянуть не успела, а Серега еле добежал до машины, там он прохотался до коликов и еле смог объяснить мне причину: «Маруся, ой не могу, ой, чичас лопну, ты знаешь, какая у него фамилия? Волчий Хвост». Ну а что, нормальная индейская фамилия.

Оттуда мы поехали в Лесбридж. Кстати, там мы тоже жили в довольно симпатичном доме, и сдавали его тоже учителя-пенсионеры. В спальне лежала самиздатовская книга об истории семьи, дома и города, очень любопытно. Лесбридж – небольшое поселение, пышно-зеленый, с очень широкими для провинциального городка улицами, длинным высоченным мостом, с красивым японским садом, искусственным прудом с рыбой и большим (8 тысяч студентов) университетом. Все обсмотрели, погуляли в свое удовольствие, погода была чудной, а потом два дня провели в университетском архиве, ради которого и завернули сюда.

Удивительные люди живут в нетронутом государстве Канада. Где-то за месяц до по-

ездки я связалась с архивом, написала, что меня интересует тот самый художник и что его дочь подсказала мне, где лежат документы. Они тут же откликнулись. В день, когда мы приехали, нас ждал кабинет, ящики с материалами, заведующий этим архивом Майк был обеспокоен, почему мы не кушаем, ведь уже время ланча. Но удивляет не только радушный прием. Никто не спросил никаких наших документов, никто не просил никакой оплаты, никто не сидел с нами и не следил, что мы делаем. Нам разрешили фотографировать все, что нам будет интересно и «если вам нужно, я приду завтра в 8 утра, вы можете начать пораньше, чтобы побольше успеть».

По пути из Лесбриджа заехали в «птичник». Там восседают совы и орлы всяческих мастей, хищники, одним словом, к которым, как вы помните, у меня есть некоторые претензии... Работают там молоденькие девочки, даже показывают минишоу с дрессированным соколом. А потом нам предложили подержать сов на руке и даже спросили – какую желаете? Ощущение очень необычное. Довольно крупная на вид сова оказалась неожиданно легкой по весу — уставилась своими совиными огромными глазами, моргнула, спокойно и деловито переползла на руку, мягонький такой хищничек-симпатыга.

Вы еще не устали? Тогда отправимся с нами в Скалистые горы (Rocky Mountains). Красота – очень тихое и слишком скромное слово для этого. Банф — горный городок, где все обустроено для счастливой туристской жизни. Оттуда мы путешествовали в стороны и ввысь. Невозможно описать цвет горных озер – это не голубой и не зеленый, какая-то светлая неземная бирюза, многочисленные водопадики, «престижное» озеро Луис, куда едут все, просто неприлично там не побывать, если ты уже где-то рядом, но если честно, не менее «бирюзовы» и другие, не столь известные озера, менее ухоженные и цивильные, но зато тихие, нетронутые, без толпы туристов.

Сергея потащил меня на ледник «Колумбия». Вначале вы долго едете вверх, дорога становится все круче, я, надо заметить, это очень сильно «люблю». Потом наконец вы приезжаете к «вокзалу», покупаете себе дорожный билет, соответствующий крутизне маршрута, встаете в очередь, садитесь в автобус, который везет вас к подножию ледника, гид рассказывает вам о горах вокруг, «нагнетает» обстановку, автобус ныряет вверх-вниз, но это только начало ледового развлечения. Потом вас пересаживают в марсианское нечто, колесо которого почти с меня и одно стоит 5 тысяч долларов, шофер готовит вас к прыжкам

и подъемам, шутит и балагурит всю дорогу. Вжих, и вся эта громадина, кажется, встает на дыбы, спасибо все это продолжалось недолго. По крайней мере, я точно знаю, что больше не хочу на этой дуре кататься, хотя, говорят, цена ее – миллион долларов и делают ее ровно девять месяцев, ну да, вынашивают, видимо. В Космос я тоже не хочу, и даже на американские горки меня не заманишь.

Но в общем все эти острые ощущения были оправданы, потому что выгрузили нас на леднике, на высоте полтора километра, а вокруг были снежные трехкилометровые вершины, радовала солнечная погода, лед сверкал, горный ручеек тек, при этом было достаточно холодно, и все вместе это походило на фрагмент из фантастического фильма. Тут я, пожалуй, закончу описывать «горный» кусочек отпуска, потому что остановиться сложно: достойны описания – это без преувеличения – каждая гора, каждое озеро, каждая дорога...

Мы вернулись в Калгари, к Глену, а там вдруг вместо тех 35 плюс в начале нашего путешествия, еле девять наскребается, дождичек, гулять неприятно. И мы решили поехать по его совету в музей динозавров, как он сказал, мирового значения. Значение усиливалось тем, что находили их и продолжают находить прямо там, рядом с музеем, на этой

самой территории. Хорошо, что они там не разгуливают.

Масса впечатлений. Из Калгари вы едете по очень прямой, как стрела, новенькой или новоотремонтированной дороге около двух часов, с обеих сторон у вас живописнейшие поля – зеленые, песочные, золотые, совершенно бескрайние, абсолютно ухоженные, могучие и надежные... Они обрываются вдруг, как и дорога-стрела, без подготовки, на указателе читаете: Bad Land — Плохая Земля... Местность совершенно неожиданно становится холмистой, серой, унылой, горы и горки как будто кто-то изрыл и оставил так, кругом ямы, растительность, которая иногда встречается, угрюмая, сухая. Конца нет этой извилистой дороге. Кто-то веселый обыграл этот путь в музей. На указателе – «Нет еще не здесь», «Еще два километра» и наконец красивая вывеска «Музей динозавров», вы с выдохом заворачиваете, но... снова видите уходящее вдаль природное безобразие. И вот наконец посреди этого Ничего стоит музей – современное огромное здание. Сделан он с большой любовью и к динозаврам, и к вам. Если схематично его описать, это найденные косточки, вернее костищи, уложенные фрагментарно с описанием и воспроизведенные, стало быть, «додуманные» скелеты и чучела этих громад.

Я вообще-то равнодушна к костям даже такого размера, но это было и вправду интересно, с размахом. Кроме того, они посадили своих научных работников за стекло и мы наблюдали их работу – как они там разбираются с останками в масках от вековой пыли... Так выглядит музей – мировой научный центр по изучению динозавров.

Полетели в Ванкувер, час лету, красотень. Там нас ждал сын Мишка. Попали в его хорошую стадию. Он нашел работу после окончания анимационной школы, но выходить на нее надо было через несколько дней, поэтому у него появилось время с нами погулять. После нашей тихой Оттавы Ванкувер казался таким суматошным, очень разным в разных кварталах, очень приморским. Горы, море, корабли, изрезанная полуостровами суша, многочисленные мосты. Мишка сводил нас в Стэнли парк, недалеко от их дома. Это было чудесно. Какую только живность мы не повстречали! Даже толстые еноты расхаживали по парку и просили у людей угощения, мы их нащелкали так и сяк. Выдры полоскались и играли с целлофановым пакетом, чайки в огромных количествах сидели чуть ли не на головах... Много диковинных деревьев, цветов. Гуляли по Даунтауну (в отличие от калгарийского офисного, здесь много жилых высоток), были в музее

ну сильно современного искусства, ходили на море – пляж от Мишки в пяти минутах ходьбы. Неловко признаться, поскольку Ванкувер считается одним из лучших городов планеты и, по-моему, занимал даже первое место в списке, но какого-то особенного восторга он у нас не вызвал, хотя приятных глазу и сердцу мест там предостаточно. Возможно, в рейтинге сыграли роль разгуливающие по парку еноты, а может, мы в нем недостаточно пожили.

Последним пунктом путешествия была Виктория – столица Британской Колумбии, город, расположенный на острове размером в два Израиля. Из центра Ванкувера в центр Виктории летают самолетики, которые разгоняются «на лыжах» по воде и садятся на воду, короче, гидропланы, – очень красиво, удобно, быстро и дорого. Мы выбрали более экономичный и удобный для нас путь – с авто на пароме. Громадина везет кучу пассажиров и их машины в город Сидней, а оттуда нужно еще минут сорок ехать до Виктории, кстати, улица возле порта называется «Конец земли». По пути заехали в Сады Бутчартов (Butchart Gardens) и застряли там на целый день. Сто лет назад один богатый предприниматель, мистер Бутчарт, обратил внимание на пустующий каменный карьер, он купил это место и решил превратить в сад. И превратил! Когда вы поку-

паете билет, то внутри что-то бурчит – ни фиги себе билетики в садик, 30 долларов с носа, а когда выходишь, думаешь, пусть возьмут 50, 100, только бы смогли сохранить эту красоту подольше, пожалуйста! Мы видели много садовых изысков включая японские, но такой сад поразил бы любого... Во-первых, все вылизано. Нет ни одного сухого листочка и ни одной ссоринки. Во-вторых, разбит он по сути в огромной каменной яме, что позволило постоить много ярусов. В-третьих, там показано несколько стилей садового искусства. Вы перемещаетесь из одной части парка в другую и понимаете, что в эти часы проблем у вас нет. Их просто не может быть. Они ничто по сравнению с этим совершенством. Красиво там все – фонтаны, скамейки, поилки для людей и собак, туалеты, рестораны, мусорные ящики, магазины и все, что в них продается. Во всем уровень и блеск.

Виктория тоже облеплена туристами, но гораздо спокойнее в силу своего размера, чем Ванкувер. Говорят, в ней проживает много пенсионеров. Однако пожилое население в глаза не бросается, напротив, много молодежи. Большой университет, мы сходили на его территорию, увидели прогуливающихся оленей – спокойное красивое место.

Посетили уникальный музей миниатюр,

по-русски говоря, макетов. В мельчайших подробностях там воспроизведены битвы, города, фрагменты сказок. Тонкая работа, микроскопическая, впечатляет. Просто шлепали по городу, оторвались в датской кондитерской, побродили по набережной с кораблями, послушали игру на карильоне (родственничек колоколов). Какой-то голландец поднимается каждый день на приличную высоту по ступенькам и играет для города свой концерт несколько раз в день. Вот только не знаю, спускается каждый раз обратно или сидит там...

Ах ты, я еще не рассказала вам про паровые часы в Ванкувере, про музей аммолита в горном городке Канмор, про индейское шоу, про потрясающий и огромный музей конных экипажей, про очень любопытную выставку на тему «Женщины, живущие и работающие в канадских горах с позапрошлого века до наших дней»... Но я просто выключу фонтанчик, чтоб вы не сказали Волчий Хвост бы ее побрал, и буду тешить себя мыслью, что вы немножко представили запад страны Канады.

ИСЛАНДСКАЯ ПОЧТИ САГА

РЕЙКЬЯВИК (ИСЛАНДИЯ)

Впервые Серега заговорил об Исландии, проталкиваясь сквозь тесную и жаркую аргентинскую толпу в центре многомиллионного Буэнос-Айреса — боже мой, сколько ж народа плечом к плечу, не вдохнешь — не выдохнешь, надо в следующий раз поехать в Исландию, там прохладненько, никого нет...

Может, и нет, но зато там Эйяфьядлайёкюдль бузит, пугает Старый Свет своими выкрутасами. Вот так залетишь туда и останешься посыпать голову вулканическим пеплом... Однако Серегин идею не похоронил и рассудил, что ежели вулканы просыпаются так редко, то теперь это не скоро случится, и потому просто необходимо посмотреть на такое необыкновенное место в перерыве между извержениями... Не знаю, когда бы мы осуществили его мечту, но тут, как знали, прислали по Интернету уникально раннее, весеннее предложение исландской авиационной компании — выбрать несколько дней до пасхальных праздников и полететь с большой скидкой в их замечательную страну прямым рейсом из Торонто, а мы вас обогреем в гостинице и даже предложим однодневную экскурсию на джипах по труднодоступным районам. Меня

особенно, конечно, воодушевили труднодоступные районы, страсть, как люблю. Мы двинулись в путь, хотя календарь напоминал о двухлетней годовщине выступления Эйяфьядлайекюдля с точностью до месяца апреля.

Четыре часа до Торонто на машине, пять часов лету — бессонная ночь и... в шесть часов утра по исландскому времени огненная солнечная полоса пронзила небо, внизу была видна серо-коричневая земля с оазисами домиков по береговой кромке. Однако вскоре под крылом самолета показался большой по сравнению с ними «жилмассив», который и оказался Рейкьявиком, что в переводе означает «Дымящаяся бухта». Проживает в этой самой северной столице мира 120 тысяч человек, не считая прилепившихся к нему маленьких поселений. Нам повезло — светило яркое солнце, что бывает здесь далеко не каждый день, поэтому не сосредотачиваясь на последствиях неуклюжей самолетной ночи, мы быстренько побежали смотреть город. Оделись правильно — в лыжные куртки, ветрюган был такой, что никакие +7 не могли бы спасти. Гостиница Icelandair Natura располагалась как бы на окраине города, у аэропорта местных авиалиний, правда, до центра можно было дошагать за двадцать минут. Мы могли получить бесплатный проездной на автобусы

в нашей гостинице, но принципиально этого не сделали — только ноги позволяют ощутить своеобразие города, почувствовать его атмосферу, пощелкать аппаратом не только на центральной улице...

Из любой точки столицы видна лютеранская церковь (щегольну написанием названия, только не думайте, что я его выучила) Хатльгримскиркья с огромным органом — очень стильная архитектура, не известная нашему глазу, отличный ориентир-высотка, одновременно классная смотровая точка. Начали строить ее в 1937 году, так что вполне современное сооружение. Туда и направились.

О да, солнышко было кстати. На лифте поднялись на верхотуру, откуда открылись городские пейзажи морского города. Только ветер, продувающий открытую поднебесную круговую площадку помог отодраться от этих видов. И так красиво, и так тоже красиво, а вот так — просто невозможно выдохнуть. У рейкьявических домиков яркие разноцветные крыши, дружная застройка лепящихся друг к другу улочек, отсутствие зелени, при этом все веселенькое и светленькое. Эта радужная картинка так застревает в голове, что когда мы увидели Рейкьявик без солнца, в тумане нудного дождя, он все равно не показался уг-

рюмым.

От церкви прошли на центральную улицу — прогулочную, туристскую, с многочисленными магазинами, ресторанами, пабами. Народу здесь немногим больше, чем на других улицах, на которых его просто нет.... Апрель — далеко не туристский сезон, а местные жители трудятся и вообще вряд ли любят разгуливать в такую погоду. После пяти все закрывается, кроме едален, да и то не все из них работают. Жизнь в городе начинается ночью, говорят, что все бары и рестораны переполнены. К ночным развлечениям нам как-то приобщаться не захотелось, поскольку мы решили, что лица солидного возраста ночью обычно спят, но, возможно, мы ошиблись, так и не постигнув прелести исландской тусовки...

Народ в любом возрасте резво говорит по-английски, не сказала бы что сильно приветливый на вид, но довольно приятный, спокойный и сосредоточенный. Никто не кутается, поскольку у них весна, а 20 апреля «официально» наступает лето. Одеты некоторые в какие-то хламиды, напоминающие стекающую лаву, странные туфли хиппиобразного покроя, тот же стиль можно увидеть в некоторых витринах — кстати, мне очень нравится. А это обилие, горы, ворохи исландских свитеров-близнецов из толстой шерсти

собственных овец — очень теплая картинка! Однако кусачей оказалась не только их цена, но и «ощупь» — это обстоятельство дало ответ на возникший невзначай вопрос — нужен ли канадцу исландский свитер?

Ну тогда уже и про еду. В суперах в основном все свое, исландское, включая молочные продукты, хлеб, сладости, овощи, выращиваемые в теплицах... Вместо обычных холодильных витрин, к которым мы привыкли, для скоропортящихся продуктов оборудованы специальные комнаты, ну то есть, проще говоря, вы заходите в холодильное нутро и выбираете йогурт, шмыгая носом. Цены приблизительно наши, радостной системы постоянных скидок на американский манер не существует и два по цене одного тоже не видели, хотя знакомство, конечно, было беглым...

Отдельно — про чревоугодие. Было вкусно! В отличие от канадцев и аргентинцев, которые в своем большинстве не любят супы, исландцы понимают в них толк. Есть всякие варианты сытных и пахучих бараньих похлебок, овощных супов, конечно, рыба всяких мастей (знаменитую дохлую акулу пробовать не хотелось), вкусный а-ля деревенский хлеб...

Но вернемся к более духовным темам. Недавно в Рейкьявике построили большой концертный холл — современное стеклянное

сооружение на берегу моря, в котором отражаются солнышко и морская волна, рядом — корабли, скромная северная набережная. Еще сидя дома, я щелкала по онлайнской покупке билетов, однако, как выяснилось, в это время (перед пасхальными праздниками) культурная жизнь замирает, и все концерты прекращаются. А жаль, сейчас исландским симфоническим оркестром руководит Илан Волков, который родился в Израиле в семье бывших ленинградцев. Молодой дирижер с мировым именем. В здание можно было войти и походить по нему — модерн 21 века.

Забегая вперед, скажу, что из наших пяти дней, два мы провели в Рейкьявике, поэтому я нарушу не очень важную в данном случае хронологию и продолжу рассказ о городе — изменится лишь погода, она будет пасмурной, с морозящим дождичком, но при той же в среднем температуре +6-7. Вообще-то исландцы утверждают, что если вы хотите, чтобы погода изменилась, надо просто подождать 15 минут. Ну остров есть остров.

Мы успели посетить пару музеев. Решили сходить в исторический, дабы вникнуть в историю страны, в которую нас занесло. Сквозь толщу веков народ выглядит вполне интеллигентно. Заселили остров в девятом веке викинги из Норвегии, как-то быстро у

них там прижилась демократия, грамотны были. Саги писали в огромных количествах, благодаря которым сейчас можно изучать собственную древнюю историю и литературу. Были они язычниками, а впоследствии лютеранами. В результате исторических передряг Исландия стала колонией Дании, в 1918 году — ее независимым королевством, а полную самостоятельность обрела совсем недавно — в 1944 году. Датский след проступает и в наше время — ну например, в школе учат два иностранных языка — датский и английский.

Утомлять вас поверхностной историей во все не к месту, поэтому я резво перепрыгну в другой музей, который гордится своей уникальностью. Очень стесняюсь рассказать о нем в красках. Однако из песни слов не выкинешь. Эти бывшие викинги открыли у себя музей фаллосов. От мельчайшего мышиноного — ты подумай только, до кашалотного, рядом с которым я почувствовала себя миниатюрной былинкой. Испытывая явное любопытство, хотя и на фоне некой стыдливости, мы были даже немного разочарованы небольшими размерами музея, потому как у слона тебе показали, теперь же хочется посмотреть и у волка, и у медведя... и нет больше никаких шансов когда-либо в жизни это увидеть, прости господи.

А теперь о незабываемых впечатлениях. Была у меня мечта с детства — покататься на лошади, но как-то не удалось, на осле когда-то на Родосе проехала, причем воспоминания были не самые лучшие — греческий осел затоптал мои очки, и все остальное время я осматривала Родос сквозь щель сощуренных глаз. Но поскольку лошади в Исландии на каждом шагу — пасутся, что коровы на оттавских полях, лошадиная реклама «кони в рент» на каждом углу, а плакаты с видами оных у каждого туалета (преувеличение), казалось, что надо только свистнуть, и сивка-бурка появится пред тобой. Если бы Серега был викингом, он сказал бы про это так (я не сама придумала, это из Саги):

Глупа ты, Хервёр,
сильная духом,
раз с глазами открытыми
в пламя бросаешься;
но лучше отдам
клинок из кургана,
юная дева,
не могу отказать тебе

Серега, конечно, отказать не мог, потому как сам хотел поскакать на исландском коне. Нашли по Интернету несколько точек, где мечту можно было буквально поймать за холку, но все оказалось не так просто —

в некоторых местах еще не открыли сезон, буквально во всех нужно было записываться заранее. И все же мы поехали в пригород Рейкьявика наудачу, называлось это место Viking horses. Предполагаю, что лошадьми, как и собаками, обычно занимаются открытые улыбчивые люди, какими и оказались Рагга, ее муж и дочь. Все действительно происходит по предварительной записи, готовых (оседланных) лошадей нет, но вы так далеко ехали (из Канады), что-нибудь для вас придумаем, подождите. Нам принесли два комбинезона — взрослый и детский, я думала, что это от дождика, но оказывается, не только от него — лошади весной сильно линяют, кроме того, исландские лошадки-мускулистые крепыши не гладкие, а с толстенькой шерсткой торчком, волос видимо-невидимо.

Сергея пару раз в жизни имел опыт вождения кобылы, а я честно созналась, что новичок и немножко волнуюсь, однако хочу гораздо больше, чем боюсь... Ничего-ничего, дадим тебе самого смиренного и послушного коня. Он уже пожилой, 27 лет... Белый, скорее кремовый Соми был на вид симпатичным мальцом с челочкой, падающей на глаза, он медленно жевал свое сено и не обращал на меня ни малейшего внимания. Когда его подвели ко мне, стремя оказалось почти у носа

(небольшое преувеличение), я прикинула, что ногу задрать высоко еще смогу, но подтянуть толстую попу на движущийся объект почти нереально, хотя исландских лошадей считают низкорослыми, ну дык и всадница не удалась... Мне не пришлось ничего объяснять — Рагга тут же принесла мне стул, я постаралась как можно грациознее исполнить возлезание на коня и, как только уселась, почувствовала себя вполне уверенно, счастливая, почти блаженная улыбка от уха до уха прочно установилась на челе. Мы двинулись в путь. Рагга впереди, за ней я и Сережка. Сони плелся, похоже, без особого желания, а перед подъемами останавливался, как тот осел, и еле сдвигался с места, Рагга сказала, что он на удивление ленивый сегодня и чихал на ее команду «хоп-хоп»... В одном месте он начал недовольно фыркать, тогда она взяла его под уздцы, и мы оказались рядышком друг с другом, что располагало к светской беседе.

Погода этим утром выдалась прекрасная (!?) — ветра сильного нет, иногда приходится отменять прогулки — лошади не любят ветер. Справа — видите, горы, там иногда бывают извержения, а вот тут новый район строят... А вы слышали о нашем мэре? Сейчас расскажу. Артисты и примкнувшие к ним товарищи создали свою партию, программа их была

веселой, обещания еще веселее, например, — дадим бесплатные полотенца в бассейнах. Знаете, что случилось? Они победили на выборах. В результате мэр нашего города — известный комедийный актер. Он и ведет себя, как комедиант, никогда нельзя понять, шутит он или серьезно говорит. Его обожают дети, он ездит по школам, прикалывается, в общем совершенно свой в доску. Я осторожно спросила, как это влияет на развитие Рейкьявика? Рагга ответила, что не думает, чтобы это хоть как-то способствовало его развитию... А наш премьер-министр — первая в мире женщина-политик такого ранга, открыто состоящая в однополом браке, ей 70 лет, она очень умная... Я заметила, что если эти «новости» не очень будоражат население, то несмотря на экономический кризис, страна, видимо, в порядке — да, у нас хорошая страна.

Кстати, в связи с тем же кризисом, количество туристов, желающих посмотреть страну гейзеров и вулканов, поубавилось. Тогда Президент страны, женатый, как вы знаете, на израильтянке, в прошлом году пригласил путешественников к себе домой на обед, его примеру последовали другие и теперь есть вебсайт, где многие исландцы предлагают заехать к ним в гости. Ну конечно, мы бы приперлись, раз так просят, особенно к президен-

ту, но в предпраздничные дни и этот проект временно замер.

Рагга рассказала о себе — по образованию историк, проработала больше 20 лет в концертном холле, решила резко изменить свою жизнь и, закончив курсы лошадиных инструкторов, открыла свое дело. Ну я, естественно, вставила рикошетом про свой остросюжетный цветочный дизайн, и беседа окрасилась взаимопониманием и теплотой. А теперь — галопом. Не успела я сконцентрироваться, как подпрыгнула в седле, будто резиновый мячик... Сами только этого и ждал, с удовольствием понесся вскачь — неописуемые впечатления, в заключении повторили галоп еще раз, кстати, окрестности попы болели после этих рывков дня три. Рагга похвалила меня за пристойное поведение и сказала, что для первого раза я просто супер, поскольку новички обычно сильно паникуют. Серега был польщен, что имеет в женах недоделанную амазонку, залезающую на коня со стулом.

Настало время рассказать вам о труднодоступных районах. Утром второго дня у гостиницы нас ждали десять мощных джипов, подножка которых располагалась тоже вполне спортивно — просто норма ГТО какая-то. Американка, которая оказалась с нами в одной упряжке, победно посмотрела на меня и

сказала с гордостью: «О, да Вы еще меньше, чем я». Экскурсия длилась 8 часов — это часть знаменитого исландского «Золотого кольца». Кольцо — то, ради чего и нужно приезжать сюда, если хочешь чтобы твой дух неоднократно захватило, схватило и вознесло!

Не успели мы отъехать от Рейкьявика, как очутились в горах, причем пейзажи сменяли друг друга очень быстро: то зелено-коричневые, с валунами, то серые, скалообразные, то абсолютно черно-белые. Говорят, что когда американские космонавты собирались на Луну, они прибыли сюда, чтобы прочувствовать колорит и атмосферу, не зря во многих путеводителях написано: вам не нужно лететь на Луну — посетите Исландию. Чистая правда.

Озера, ледники, пещеры, гейзеры, водопады... — всего этого так много на единицу площади, что я просто теряюсь, о чем же вам интереснее будет узнать. Наверно, стоит о самом ярком, но загвоздка в том, что ярко — все! Мы поднимались все выше и выше, наши шоферы-проводники выходили из машин, по-деловому ощупывали шины и спускали их, иначе не забраться и не спуститься. Ты уже добрался до неба, казалось, что облако вполне возможно схватить рукой и поддержать... Но более всего потряс пейзаж белоснежного поля без малейшей задоринки, шел мелкий снег, ко-

торый абсолютно стрер горизонт, то есть ты оказался посреди Ничего и сфотографировался на фоне Ничего, многие пытались бежать вперед, чтобы увидеть хотя бы какую-нибудь гору, да просто камень, но не было ни-че-го! Я думаю, мы видели, как выглядит — нет, не Край Света, а Бесконечность... Встречались довольно сложные спуски, когда наш трактор-джип шел почти перпендикулярно плоскости, но я ведь прошла подготовку в прошлый отпуск на канадском леднике, там меня Плотников уже хорошо протряс, поэтому было не так страшно... Поднялись на тысячу метров над уровнем моря — ледник Лаунгиекудль. Вдохнули свежий холодный воздух, попинали вековую твердь и поехали дальше.

Никто не предупредил, какой будет пещера. Выдали всем каски с фонариками и друженько — за поводырем. Оказалось, что нужно было преодолеть довольно крутой спуск, который когда-то проделала в горе лава. Маломальский альпинист посмеялся бы, а мне было не до смеха. Ботинки не слушались указаний и разъезжались в разные стороны. Под ногами были сплошные рывины, покрытые льдом, веревки были натянуты далеко не везде, но самым ужасным для меня было незнание того, где же конец этого предприятия, когда он наступит?!

— Серега, — крикнула я, — я дальше не хочу.

— Надо, — ответил Серега.

Был и драматический момент, когда один галантный дядя протянул мне руку, я сползла на следующую ледяную колдобину, а он не удержался и резко поехал на меня, но слава Б-гу, успел как-то тормознуть, а то бы капец моей шее. Видимо, все эти приключения рассчитаны на таких чайников, как я, потому что только чайник может почувствовать такую остроту и неповторимость впечатлений за такое короткое время — спуск закончился очень быстро, почти не успев начаться...

Надо сказать, что шофера-экскурсоводы не были многословны. По крайней мере, наш говорил очень мало, сухо, только самое необходимое, хотя бы Сагу рассказал что ли... Потом мы подумали, что может, он был прав. Все настолько грандиозное и величественное, таинственное и нетронутое — что толку, если тебе вольют еще сотни цифр и показателей за многочасовую поездку, завтра их и забудешь.

На следующий день мы сняли машину и поехали сами в места не столь отдаленные, куда можно добраться цивилизно, не спуская шин. Одно из них — долина гейзеров. Самый большой из них Geysir, который выплескивается на 70-80 метров, молчит уже много лет, и никто

не знает, когда это будет в следующий раз. На небольшом расстоянии от него живет менее мощный гейзер, поднимающийся на 30 метров — этот исполняет свое соло довольно часто, мы успели посмотреть на это чудо четыре раза и даже заснять.

Выглядит это так — как будто в земле кто-то вырезал кругленькое отверстие, довольно правильной формы, в нем — булькает вода, фыркает то сильнее, то слабее, как закипающий суп, потом по неувловимым признакам видно, что выступление почти готово, варево будто собирается с мыслями и вдруг с силой вырывается из отверстия. Везде написано, что температура воды — 80-100 градусов. Однако своими глазами видели, как подростки встали специально довольно близко к гейзеру в водонепроницаемых костюмах, но с непокрытой головой. Их окатило целиком и поскольку никто из них даже не взвизгнул, можно предположить, что вода в высоком полете быстро остывает до какой-то переносимой температуры.

И снова в путь, на сей раз — к водопаду Gullfoss. Кто бы мог подумать, что это такая красотища! Отличие его от многих других водопадов в том, что он многоуровневый, каскадный, при этом он не падает в реку, а проваливается в тартарары, в какую-то щель

совершенно неопределенной глубины ... Ну матушка-природа постаралась! Хочется его заснять в его могуществе и величии, фрагментами и целиком... унести с собой, но потом смотришь на снимки — не то все: нельзя передать никаким фотоаппаратом то, что видит глаз. При входе на территорию описана история — простая исландская девушка по имени Сигридуур, проживающая неподалеку, была лидером по характеру и первой начала пробираться к этому водопаду, потом водила туристов тропой смелых, ей даже барельеф установили, увековечив память.

Скажу честно: мне нравится шастать по городам и я не большой любитель даже легкого экстрима, как Серега, но бесспорно есть в «природном» туризме своя прелесть, что-то делается с организмом от обилия свежего воздуха, от этих потрясающих картин «неизвестного художника», от того, что тело твое карабкается, поднимается и может, от того, что видит глаз, а потом замирает сердце, от ветра и воды, будто из тебя вытрясли пыль, выхлопали всю гадость и промыли родниковой водой. А еще нам повезло, что в гостинице был бассейн, причем с теплой водичкой, с горячей — отдельно, с сауной, парной, с полумраком и приятной музыкой. Поскольку в Исландии в 5-6 часов все уже закрывается, то

вечер мы проводили в бассейне, и последний день провели в воде — за несколько часов до полета поехали в Голубую Лагуну (в 20 минутах от аэропорта). Это искусственное озеро с очень соленой, но не морской водой из горячего источника, открытое для посетителей 7 лет назад. Воду в нем остужают до 37-38 градусов. Ну конечно, это радость и ликование для тела, но есть один нюанс. До голубенькой водички нужно дойти, нет, не далеко, метров 15 от двери. Температура воздуха в то утро была, как водится, +6, дождичек моросил, ветер дул. «Боже, — думала я, — как же я дойду в купальнике-то»... Но это оказалось не так страшно и, кстати, через полчаса, когда мы полностью освоились и акклиматизировались, выяснилось, что подвиг совершать не нужно было — для особо пугливых есть выход в воду из помещения.

Прямо в воде расположен киоск с напитками. Очень нравится народу сидеть в горячей луже и тянуть что-нибудь из трубочки. Потом все продвигаются к лоханке с местной белой глиной и мажут ее на рожицу, потом получают еще две мазилки — вулканическую грязь и скраб. Мне кажется, эту лужицу нужно сделать побратимой с Мертвым морем, организовать обмен грязью и туристами — нравится идея?

Казалось, что прямо из воды мы нырнули в самолет, тело, промытое до блеска, гладкое, как галечка, воспарилось над землей в аэропланном смысле на пять обратных часов и шмякнулось обратно — в дела и заботы. А Сергею на работе сказали: «Ну что, прохладился? Теперь надо в Индию собираться».

Интересные факты, которые я не упомянула:

Исландский язык очень приятен на слух, нет ни малейшего намека на «казахские» окончания длинных слов, которые получаются у нас при переводе на русский, особенно в их географических названиях, не чувствуется никакого булькания и никаких длиннот, вникнуть, как это происходит, не удалось.

У исландцев нет фамилий, если попытаться сконструировать это на русском, получится: Мария Григориядочь, Сергей Анатолиясын.

Деревья в Исландии очень низкорослые, их мало, то есть лесов нет. Любимая шутка — если вы потерялись «в лесу» и не знаете, как из него выйти, вам надо встать.

ПРОСТО МЫС ТРЕСКИ

КЕЙП-КОД — БОСТОН (США)

Решили, что будет спокойнее, если мы быстренько сгоняем на Кейп-Код сейчас, а то ученые предсказывают, что волны постепенно размывают пляжи полуострова, и в процессе эрозии он может исчезнуть вовсе — в ближайшее тысячелетие. План созрел быстро, оброс деталями, уточнениями маршрута, гостиничной броней и стройно лег на бумагу, радуя своей доступностью: ехать-то всего часов восемь на машине, можно успеть обернуться между свадьбами.

Если посмотреть на карту мира, то мыса этого просто не видно, а если взглянуть на карту Северной Америки, то с трудом можно разглядеть болтающуюся в Атлантическом океане загогулину, в очертаниях которой одни видят кошку, другие — рыбу. Рыба — ближе к теме, поскольку в переводе с английского Кейп-Код (Cape Cod) — это Мыс Трески. Якобы первооткрыватели, чья нога ступила сюда в 1620-м, увидели у побережья необыкновенное количество трески и потому дали такое название этому месту в честь славного продукта. Оказалось, что место это отдаленное (от чего?) и перенаселенное туристами, тихое

и бурлящее, древнее и комфортабельное одновременно, — никакая не «загогулина», а довольно большое пространство с небольшими городками — парками, музеями, фабриками, ресторанами, магазинами, пляжами...

Решили начать «сверху» — с города Провинстаун (Provincetown) — конца земли в Атлантическом, конечной западной точки мыса. Поехали на пляж, чтобы отметиться сразу, сунув свою ногу в Атлантику — нога выскочила почти сразу: при температуре плюс 27 на тот момент, водичка оказалась весьма холодненькой и при всем желании похвалиться перед вами как-то не захотелось опускать в нее что-нибудь еще. Смелчаки и дети плескались у берега в небольшом количестве. Пространство это такое необыкновенное: кинешь взор в одну сторону — Океян-батюшка, нет горизонта, бросишь в другую — наискосок близкий берег, лесок, пляж, кораблики...

Насколько было безлюдно на пляже, настолько плотно скопился народ в городе (оказывается, его население в три тысячи человек летом достигает 60 тысяч — ну это уж слишком). Улочка, усеянная магазинами и ресторанами, в обычный день выглядела празднично, как, например, выглядит любой город в день Независимости в любой независимой стране. Но скоро наш заостренный в путешествиях

глаз стал удивленно примечать в многоликой толпе сильное преобладание мужского населения, кучковавшегося по двое, трое и... много. Почти все мужчины были похожи друг на друга, как братья, — мускулисты, крепки, загорелы и усаты. Че такое, а? Надо было сразу на флаги смотреть — почти на каждом доме висел радугообразный гейский флаг. Не скажу вам, это был их Съезд или Провинстаун — курортное тусовочное место, однако вот так. Ну какое кому дело, мы продолжали двигаться в своей правильной туристской ориентации — посетили португальскую кондитерскую (основное население городка — португальцы), зашли в несколько картинных галерей, посидели у моря, сходили к мемориалу в память об «отцах-пилигримах» — английских переселенцах, которые высадились на Кейп-Коде в начале 17 века.

Два с половиной дня мы ездили по полуострову: были на маяке, рассмотрели дом самого богатого на Мысе Трески капитана китобойного судна в 18 веке, сходили на фабрику по изготовлению чипсов под названием Cape Cod, съели лобстера и везде, где бы ни были, выходили к океану. Береговой песок, размеры песчинок и его содержимое были совершенно разными на юге-севере, западе и востоке мыса: пятки то подскакивали от острых

ракушек, то утопали в золоте, то попадали в какую-то жижу с водорослями. Однажды не зная того заранее, прибыли точненько к отливу. Никогда не приходилось видеть это волшебное действие — дно оголилось, и не сказала бы, чтобы пред нами открылась уж очень приятная глазу картина: обломки раковин, панцири ракообразных, кишение моллюсков... Тонкий слой воды сразу же прогрелся и она стала тепленькой. Многочисленные катера оказались на мели и смотрелись брошенными привязанными щенками. Можно было шлепать далеко от берега, выискивая красивые камушки и ракушки. Через какое-то время начался обратный процесс, как будто воде было велено возвратиться на место, но не резко, не шумно, а напротив — морской прилив наступал почти незаметно, медленно и спокойно.

А в городе Хаянис (Hyannis) мы обнаружили приятное географическое явление: шли по обыкновенному по пляжу, обернулись на 180 градусов и снова, словно в зеркале, увидели пляж метрах в сорока от нас, стало быть, в этой части суша выдается хвостиком в море и омывается со всех сторон. Вода здесь была значительно теплее, и мы, конечно же, решили окунуться. Однако не случилось. Разделка почему-то работала только до 5 вечера,

залезть в кустики было как-то несолидно. «Сухопутная я крыса и стою на берегу»... с купальником в авоське.

Я еще не сказала вам, что Кейп-Код находится очень близко к Бостону, час езды, хотя частенько (Б-г миловал), особенно в выходные в пробках можно простоять часы... Все хотят отдохнуть от суеты большого города, а потом все хотят вернуться домой и почему-то одновременно. В Бостон помешала влюбиться несусветная жара, которая разыгралась не на шутку. Нет, мы, естественно, были готовы к подвигу и шлепали по улицам, вспоминая израильское каждодневье, но если бы можно было хотя бы ненадолго выключить светило, было бы гораздо приятнее. Атмосфера в городе (забудем про температуру) чудесная — нет суеты Нью-Йорка, нет толпы снующих туристов, много парков, воды, красивых старинных зданий, памятников, скверов, церквей... Наверно, так и есть — самый европейский американский город. Сходили на улицу Commonwealth, которую облюбовала наша Королева, сильно она ей нравится (слово Королевы — закон), а мне эта улица напомнила бульвар Ротшильда в Тель-Авиве (не только жарой)... Оказывается, очень приятно, когда встречаешь так много молодых людей: спинку так невольно распрямляешь, походку, несмо-

тря на жару, облегчаешь, шаг ускоряешь — и двигаешься почти в унисон. В Бостоне более ста университетов и колледжей, сейчас у студентов каникулы, вот они и высыпали в лето.

Но вот что интересно. Поехали мы в Кембридж, чтобы своими глазами посмотреть на Гарвард. Сам городок Кембридж — дыра дырой, а в нем — университетский оазис. Вот там туристов оказалось гораздо больше на глаз, чем в Бостоне. Святилище науки предстало таким многолюдным и суетным, что Серегин, например, был сильно разочарован (прибавьте к этому +36 в тени). Ну а я вроде смогла как-то абстрагироваться или, может, додумать образ — в одном месте у красивого старинного крыльца на фоне красной кирпичной с черноточинами стены вдруг испытала такое щемящее чувство... и даже чуть не заплакала. Серега предположил, что это от того, что я, наверно, имела тайное желание закончить Гарвард... Нет, просто ощутила, что стою в святом месте — там, где веками заквашивался интеллект, стою себе на одной из вершин человеческой мысли, прогуливаюсь гостем в шлепках с глупой и красной от жары рожей под соломенной шляпой...

Посетили в Бостоне музей изящных искусств. Не буду скрывать от вас, как я любила его уже заранее за температуру воздуха.

Боже, как хорошо. Серега отметил сумбурность и частую нелогичность в подаче материала, что стало часто встречаться в музеях разных стран, а мне так все пошло и главное — в нем сюрпризно скрывалась изюминка. В прошлом году мне удалось подольше побыть в нью-йоркском Метрополитене, в зале импрессионистов, там много Ренуара — сильно люблю. А тут — «продолжение» на ту же тему: к «бостонской» Ренуарской картине Танец в Бужевале привезли две из Парижа — Танец в деревне и Танец в городе, написанных в одном, 1883 году. Похоже, удачный был год у художника — столько праздника на полотнах, музыки, ярких мазков... Красота! Вот уж не зря сходили — в музейной рекламке было написано: «увидеть эти картины вместе случается раз в поколение». Да и кроме этого, как вы догадываетесь, было что посмотреть в музее.

Поднялись на 52 этаж высотки Prudential Tower, откуда открывается круговая панорама города. У каждого окна нажимаешь кнопочку выданного тебе устройства и слушаешь информацию о том, что видишь. Просто замечательно! «Вот видите зеленую крышу, там слева? — вещает мужской бархатный голос. — Это родной дом знаменитого Бостонского симфонического оркестра. Здание скромное внешне, но зато какова акустика в зале!»

Ха! Они думали, что уехали от нас. Сезон действительно закрылся и акустику здания с зеленой крышей оценить не удалось, но «получилось хорошо». Вы уже знаете мою любовь к подготовительному периоду, изучению «объекта», предпутешествию. Каким-то хитроумным и довольно случайным путем я нашла в Интернете прелюбопытный факт — летом Бостонский симфонический оркестр многие годы выезжает в маленький американский городок Ленокс (Lenox), что в двух часах на машине от Бостона, там почти целый месяц идет музыкальный фестиваль с привлечением звезд ранга Йо-Йо Ма и ему подобных, ежевечерне происходят концерты симфонической музыки... Серега сказал: «Кому ж они играют, кто ж в такую дыру поедет?», но начал разглядывать маршрут и заключил, что это можно сделать на обратном пути в Оттаву, ну почти что по дороге домой. Купили билеты по Интернету — Моцарт, несколько концертов для скрипки с оркестром. Дальше стало еще интереснее! Оказалось, что 75 лет назад главный дирижер Бостонского симфонического оркестра с 1924 по 1949 не какой-нибудь там Сидт, а Сергей Александрович Кусевицкий придумал эти летние концерты, которые быстро переросли в ежегодный Тенглвудский фестиваль (ну да, на который мы и собрались,

как оказалось, в юбилейный год). Не могу не сообщить вам подробности — дирижер Кусевицкий вообще-то родился в Вышнем Волочке в еврейской семье мелкого ремесленника (правда, при этом отставного военного музыканта) Кусевицкого и пианистки Барабейчик, не лишенных слуха... Ну потом учился, проявил незаурядные способности, концертировал с контрабасом, создал свой оркестр, жил в Германии, Франции и потом долго — в США, друг Прокофьева, Стравинского, Равеля... Интересненько, правда? После такой информации сущим грехом было не отправиться в Леннокс. Поехали! Переоделись в придорожном туалете, я каблучки достала, подходящие для симфонического случая. А зря...

Через час пути ни одной машины на дороге не стало — Серега сказал: «Я ж грил, никто туда не едет». Но по мере приближения к Ленноксу (население городка — 5 тысяч) машин стало значительно больше и даже выстроилась небольшая очередь. Вскоре мы увидели полицейских, регулирующих движение, ну а еще через несколько минут просто ахнули! Огромная многотысячная стоянка была плотно забита машинами. Многие шли с раскладными стульями и холодильниками, в шортах, подходящих к жаре, но никак не к Моцарту. Я успела скинуть серебро и одеть босолапки,

ну чтоб поближе к народу, который все про это действо знал. Очень это напоминало слет КСП, только людей было значительно больше, кстати, частенько слышалась русская речь.

Ну так. Те, что с холодильниками, расселись на поляне по низкой цене билета, остальные, согласно купленным, прошли в так называемый Музыкальный Сарай (точный перевод). В «сараяе» перед нами над головой оказался огромный экран (их было несколько), что было удачей, потому что можно было не только слушать музыку (хвала звукооператорам Сарая), но и разглядывать музыкантов, видеть выражения их глаз. Дирижировала и солировала не известная нам, но известная миру австрийская скрипачка Анне-Софи Муттер (Anne-Sophie Mutter). Хорошо это было — поляна, Бостонский симфонический, Моцарт, уровень... — теплая благодарность Кусевицкому.

Ну что сказать, в коротких путешествиях тоже есть своя прелесть: остается некая недосказанность, незавершенность... Хочется вернуться в Бостон в тени, искупаться в Атлантическом тоже не помешает, хочется побывать в Гарварде осенью под шуршание листьев, хочется приехать на Тенглвудский фестиваль хотя бы на недельку, чтобы каждый вечер ходить в Сарай. Кстати, на следующий день

после нашего отъезда на юбилейном концерте так выступал Йо-Йо Ма.

Я ТАМ ПЕЛА!

НЬЮ-ЙОРК (США)

Велели сильно гордиться. В данном случае это не такое уж простое дело. Ну во-первых, от гордости можно просто лопнуть: «Я буду петь в Карнеги-холле!!!», причем совсем не важно, с ударением на первом слове или на третьем... Чувствуете, как задирается подбородок, выпячивается грудь и группируются мышцы? Во-вторых, можно заболеть манией величия и начать кричать во сне: «Я — Петр Ильич Чайковский! Я Петр Ильич Чайковский!» (кстати, он первым шагнул на сцену Карнеги 120 лет назад и удачно выступил в качестве дирижера...). Ну а если не гордиться, то в чем же смысл этой сумасшедшей поездки за большие деньги? Тонкое дело. Я старалась и нашла золотую середину — ну да, гордиться, но без фанатизма, ха, отдавая себе отчет... помноженный на самоиронию.

Нас было 65 — тех, кто решил поехать в Нью-Йорк на эту гастроль. Пригласили принять участие в концерте четырех хоров (три из Штатов), выделили 25 минут и не минутой больше. Репетировали до посинения, но недолго. За три недели сделали программу, причем одна песня была совершенно новой для

нас и не в нашем барбишопном стиле. Мое положение соответствовало названию «Триллер» — тот самый, Майкла Джексона. Ну конечно, простые слова, мотивчик — просто раз плюнуть-пропеть, но слишком быстрый темп, чтоб вклеить это все за несколько дней в свою голову и заставить рот вовремя формировать фразы, да еще тут же прибавили движения и гримасы, помогающие изобразить маскарад жутких чудищ в ночи и прочую темную нечисть. Деваться было некуда. Вся семья уже распевала: «Киллер, триллер туна-а-айт!». Почему вдруг «Триллер»? — спросите вы. А потому что программа была составлена весело и легко, она подчеркивала сходство и разницу в канадских и американских праздниках и, между делом, в канадцах и американцах... Короче, Триллер в прямом смысле олицетворял Хеллоуин. Забегая вперед, скажу — принят был на ура! А на Святой Патрик у нас есть чудная ирландская абракадабра, которая была вообще-то моей первой песней в хоре... Так вот Санди, наша руководительница, удумала, чтобы потрясающую фразу «Это великий день для ирландцев!» мы произнесли перед песней на разных языках народов мира. Это великое счастье, что я неплохо выговариваю букву «Р». Нужно было слезть со станков, подойти к микрофону, сделать очень счастли-

вое лицо и с выражением на нем произнести эту коронку. Вы понимаете весь сюрреализм происходящего? Я выхожу в костюме практически канадского флага, объявляю по-русски ирландскую песню, утверждая, что это великий день, при этом стою на том самом месте, где стоял Петр Ильич, ну и не надо стесняться, другие не менее значительные фигуры музыкального мира... Ну и как вы думаете, должна я испытывать эту самую гордость, исполняя столь сольную партию? Одно видение не отпускало меня... Выхожу я к микрофону, произношу фразу «Это великий день для ирландцев» и добавляю: «И для меня тоже». И тут в зале раздается одинокий хохоток. Это в Карнеги-холл забрел русский любитель барбишопа. Нет-нет, правда, это было лишь видение баловства.

Ну так сначала. Не переносу группового туризма и рассталась с ним в глубокой молодости. Однако это тот случай, когда другое просто немыслимо и неправильно: путешествие с сопевниками – такое счастье! Последний раз оно случилось у меня в году 76-м (уже в прошлом столетии) с ансамблем «Аванте» по колхозам Красноуфимского района... Здесь просто необходимо произнести фразу: «Могла ли подумать ты, простая уральская девочка, что поедешь (впрочем, с такими же ненормаль-

ными) в Нью-Йорк, чтобы радостно покуражиться в Карнеги-холле?». Вот и я говорю – не могла, даже в самом замечательно-фантастическом сне...

Обычно мы добираемся всюду сами, кто как может, ну кучкуемся по двое-трое, а тут было решено снять автобусы, и 10 часов с тремя остановками мы добирались, нет, мы стремились к Нью-Йорку. Конечно, пели, конечно, ели, угощали друг друга, шутили, фотографировались, смеялись – потеряли дорогу в Нью-Йорк, и водителю принесли сразу несколько GPS, помогая справиться с ситуацией, потом попали в обычную вечернюю нью-йоркскую пробку часа на полтора, и автобус двигался, как черепах.

Зашли в шикарную гостиницу – старую и роскошную одновременно, нырнули в уютный полумрак и стали ждать своих карточек-ключей. Тут Санди скомандовала, взмахнув рукой, – грянуло стройное четырехголосье 65-ти теток, полетело куда-то ввысь под удивительно высокий потолок, покружилось там и понеслось дальше – к регистрации, в ресторан, к лифту... Народ замер. Кто-то смахивал слезу, кто-то щелкал фотоаппаратом, крутил видео, носильщики чемоданов остановились... Это непередаваемое чувство, хулиганство с комком в горле, осознание важности момента вот

так нестыдно заявить о себе – мы прибыли в Нью-Йорк! После песни одна пожилая дама весьма преклонного возраста начала приближаться к хору. И тут уже замер хор. Глаза у всех, наверно, кроме меня, просто округлились, пронеслось: “Это же Маргарет Этвуд!!!». По реакции окружающих было видно, что к нам приближается, ну например, Лев Толстой. Сравнение, может, не очень удачное, но не всякого писателя знают по портрету. Одна из известных англоязычных писательниц современности, кстати, переведена на русский, неоднократный букеровец. Она похвалила наше пение, многие с ней сфотографировались и все повторяли, какой это хороший знак – встретить ее первой в Нью-Йорке.

Гостиница в центре Манхэттена дорога, как черт, поэтому было некоторым облегчением поселиться по четыре в номере. Пошли гулять, жалко было упускать время – не так уж много его было, свободного. Погода стояла теплая, даже слишком, толпы народа шлепали и в 8, и в 10, и в 12 часов ночи... Еда жарилась, нескончаемые витрины сверкали, гигантские рекламы пестрили (кстати, следующим вечером успела сгонять на Бродвейское шоу «Мемфис», с негритянским рок-н-роллом. А в последний субботний день – в Метрополитен музей, и еще была 4-часовая автобусная экс-

курсия для хора по городу). Не так уж много для Нью-Йорка, но гораздо лучше, чем ничего.

Утром начались репетиции в гостинице. В конце программы сводный хор должен был исполнить финальную песню «Нью-Йорк, Нью-Йорк», да, ту известную, которую пели Фрэнк Синатра, Лайза Минелли и мало ли кто еще... Каждый хор выучил ее дома, и теперь мы пытались соединить все воедино под руководством усато-бородатого остроумного и артистичного симпатяги-дирижера, одновременно руководителя этого концерта и вообще всей этой задуми. Тоже очень интересный опыт – попасть под дирижерство опытного Маэстро. Песня заиграла, стала другой – мощной, стильной, праздничной. Ближе к коде первый ряд оторвался, задирая ножку в стройном кордебалете...

Следующий, уже концертный день был просто невероятно сложным. Снова репетиция. Потом «покраска» лица, костюм — ничего не забыть, не перепутать, успеть... Проба сцены в Карнеги-холле... и многочасовое ожидание. Привезли нас заранее, дабы не попасть в пробку, чего в Нью-Йорке вечером не избежать. Кроме того, мы как самый большой хор, выступали последними... В общем пришли туда около пяти, а выступали в десять

вечера. Поскольку все хоры ожидали выступления в одной большой комнате, принесли все стулья, которые есть в Карнеги, но их не хватило. Многие сели на пол – было похоже на цирковой табор...

А теперь мои «полуфинальные и финальные» впечатления. То ли уж слишком долго ждали момента, то ли уже какой-никакой опыт подоспел, ни грамма волнения я не ощутила, даже было как-то неприлично это осознавать. Однако это помогло сделать все в полной памяти и при здравом уме, ощутить важность момента и успеть рассмотреть, как все происходит.

Зал имеет овальную форму, стоишь почти в яйце. Он имеет колоссальную высоту. Последний ряд балкона видишь со сцены микроскопическим, естественно, это взаимно. В нем 2600 мест. Заняты были далеко не все. Но когда мы проверяли по Интернету за неделю до концерта, сколько билетов куплено, получилось примерно 1500, ну то есть около двух тысяч человек, видимо, присутствовало. Свет в зале не погасили (первый раз встречаю такое). Однако это обстоятельство, по-моему, создало удивительно уютную домашнюю атмосферу – зашли мы тут к вам и решили спеть... А вот дальше расскажу я вам про чудо этого зала. Это не просто хорошая акустика, о

которой написано сто пятьдесят раз как о лучшей в мире, это что-то необыкновенное... Ну конечно, можно говорить о стенах, которые помнят, хранят, пронизаны великими звуками, просто можно поехать крышей, если вспомнить, кто их там издавал. Однако вот вам личные Марусины ощущения. Когда не страшно, то голос себе звучит, как может, без дрожи и предыхания – ну хорошо. Но тут он летит и звенит, уши твои невеликие слышат невеликий твой голос вместе с коллективом и совершенно отдельно от него, он какой-то преумноженный в пространстве, кругленький и звенящий, и вот тут-то тебя посещает совершенно нескромная мысль – что ли он на самом деле есть?! Усилитель далеко и он, по крайней мере, видимый, один, да и нужен ли вообще, а ты звучишь, кажется, на весь зал, как в горах под небесами. Вот то, ради чего! Это правда. Я удачно сходила к микрофону со своей коронной фразой, шаркнула ножкой, надеюсь, в том самом месте, где стоял Петр Ильич, удачно вернулась и была благодарна жизненному сюжету, закрутившемуся так лихо. Маэстро сказал – это изменит всю вашу жизнь. Загибал, конечно, но сгусток энергии, силы и уверенности, явно живущий в этом зале, на секунду пронзил точно.

Тут бы нужно поставить точку, но этот «ве-

ликий день» не кончился. Мы должны были за десять минут вынырнуть из костюмов, надеть что-то нормальное, нас снова погрузили на автобус и отвезли на корабль, в ночной круиз вокруг Манхеттена, который никогда не спит. Покормили – уф-ф-ф-ф... Натанцевались до третьего часа ночи, до подгибания конечностей (гимн нашим девочкам, особенно 70 лет и выше!). Но самое незабываемое впечатление – это Статуя Свободы в ночи, с подсветкой, а ты к ней так близко, а гимн Америки так громко.

И никакой помпы не ощущаешь в этом во-все, а просто чувствуешь ее величие и свою защищенность.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
С улыбкой гейши	6
На французской стороне	27
Под кантри мьюзик	36
В ритме Пьяцоллы	51
...И Волчий Хвост	81
Исландская почти сага	99
Просто мыс Трески	118
Я там пела!	129

Мария Лакман: Странствия без гида
Сборник эссе

Электронный адрес автора:
masha.book@gmail.com